

10 FEVRIER 1936. **LES COSAQUES LIBRES** IXe ANNEE

192

10 ФЕВРАЛЯ 1936 г. 10 ЛЮТОГО 1936 р.

ПАРИЖ **PARIS**

ГОД ИЗДАНИЯ 9-й РІК ВИДАННЯ 9-ий

Ю. Пятов

Содержание:

1. **Сергей Чепурной:** * * *
2. **Иван Назаров:** «Изменник».
3. **И. К. Скубани:** В монастыре.

---

4. **Владимир Куртин:** Жив дух казачий.
5. Трагедия Казачества.
6. **Чужинец:** Яицкое Казачество и Пугачев.
7. **Н. Алифанов:** Мой уход с Дона.
8. Свидетельство врага.
9. Казачья эмиграция.
10. Думы и мысли.

Почтовый ящик:

Бельфор: С. Г. Получено. Спасибо. Привет.
Туркуан: А. Д. Получено. Спасибо. Привет.
Швеция: А. Т. Исправлено. Привет.
Лесковец: Н. П. Будет напечатано. Привет.
Клевелянд: Т. К. Получено. Привет.
Лансье: К. Получено. Спасибо. Привет.
Плясо: Г. Е. Будет отвечено по наведении справки. Привет.
Лесковец: Н. К. Ответ — письмом. Привет.
Мондевиль: К. Л. Никакие «атаманские» карты Вам не нужны. Привет.
Австралия: Р. Е. Книги заказаны. По получении будут высланы. Привет.
Коломбье: Н. В. Получено. Спасибо. Привет.
Бордо: В. Ц. Получено. Спасибо. Привет.
Туркуан: К. Получено. Спасибо. Привет.
Десин: В. Ф. Получено. Спасибо. Привет.
Гаронн: Г. З. Получено. Спасибо. Привет.
Виши: М. М. Получено. Спасибо. Привет.
Бельфор: Х. В. Получено. Спасибо. Привет.
Чехословакия: Я. А. Будет помещено в следующем номере. Привет.

ПОПРАВКА:

В прошлом номере журнала, в рассказе Н. Посохова, на стр. 13, левый столбец, в 13 строке снизу, вместо «нескромную лаву» следует читать: несокрушимую лаву.

КО ВСЕМ КАЗАКАМ

По инициативе вольных казаков решено поставить хотя скромный памятник герою восстания донских казаков в 1918 году, первому взявшему Новочеркасск, умершему 16 сентября 1934 года здесь, заграницей, генералу **М. А. Фетисову.**

С этой целью в городе Сансе образована особая комиссия, в задачу которой входит собрать нужные средства, купить необходимое место на кладбище, перенести туда прах покойного и поставить самый памятник.

В состав комиссии вошли: председателем — **А. А. Ченцов** (казак ст. Андреевской), казначеем — **А. П. Киреев** (ст. Нижне-Курмоярской), членами — **П. А. Текучов** (ст. Верхне-Курмоярской) и **И. А. Ченцов** (ст. Андреевской).

Все казаки приглашаются внести хоть небольшую лепту на сооружение памятника донскому герою, казаку ген. М. А. Фетисову.

Пожертвования направлять по адресу казначея комиссии А. П. Киреева:

M. A. Kireeff, 16, *rue Beaurepaire, Sens* (*Yonne*), *France.*

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Всех обращающихся с тем или иным вопросом в редакцию «ВК» просим всегда разборчиво писать свой адрес, т. к. были случаи, когда из-за того, что мы не смогли разобрать тот или иной адрес, происходили излишние недоразумения.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

ВК ПАРИЖСКОЙ СТАНИЦЫ

Правление Парижской ВК имени А. И. Кулабухова станицы назначает общий сбор для выбора правления на 1936 год.

Сбор состоится в воскресенье 16 февраля с. г. в 2 часа 30 мин. в помещении: 27 Бульвар Ла Тур Мобург (метро Ля Тур Мобург).

Казачья — наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧТВО
ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: **инж. И. А. Билый**

Редакция и администрация: **10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)**

№ 192 *Понедельник 10 февраля 1936. — Понеділок 10 лютого 1936.* № 192

Сергей Чепурной

* * *

По далеком Крае, по степи родимой,
Да по жизни вольной стосковался я...
Я, как лист опавший, бурею гонимый,
Залетел надолго в чуждые края!

И ношусь безвольно годы, все бесцельно...
Путь пройденный вспомню — нет чего таить —
Растерял пол жизни самой драгоценной
За... краюху хлеба и за право жить.

Не за что иное, только лишь за это...
Годы же проходят... Их остановить
Не могу ни песнью скромного поэта,
Ни мечтою страстной — вольным скорей быть

А мечта с тоскою, в сердце угнездившись,
Просятся на волю, заполняя стих...
Неужель, без доли на свет народившись,
Не спою веселых песен никаких?!..

Как все надоело!.. Тучи-б прилетели...
Как я жажду бури над родной страной!
Чтобы гневом-местью реки там вскипели —
Разметали-б звенья цепи вековой!

Иван Назаров

"Изменник"

Был ноябрь 17-го года. На западном фронте в окрестностях Минска стояли туманные слезливые дни, будто заведомо плачущие о тягостях Великой войны, которая в этих краях стихла давно, но все же не кончена, несмотря на то, что солдаты на позициях «братаются» с врагами, а товарищи матросы разбойничают на суше с такой же легкостью, как в старину корсары «работали» на океане.

Сотня есаула Феоктиста **Дукмасова** после недавних боев и бестолковых передвижений, характеризующих то беззаберное время, прибыла в Снов на отдых. Это маленькое еврейское местечко, бедное, тесное и грязное, не имело никаких данных для отдыха, но таковым было распоряжение одного из царивших в то время «главковерхов»... И сотня, кое-как расквартировавшись, стала.

В небольшом ветхом и унылом на вид домике, в одной из боковых улиц Снова, где жил с семьей мелочный торговец Хаим Мельденсон, была отведена комната для хорунжого Виктора Калмыкова. Еврей, конечно, протестовал. Еще больше подвизалась в этом его супруга — мадам Мельденсон, в сотый раз повторяя, что у них большая семья, что она сама «больная на живот» женщина, что у них взрослая дочь и что ей теперь негде спать.

— Дак нехай спит с нашим офицером, — отрубил по старой привычке урядник-квартирьер, еще, видимо, не усвоивший духа новых порядков, исходивших от таких же Мельденсонов, быть может тоже «больных» чем либо и, кто поручится, что не из того же «Шнова»!..

Отрубивши, «что полагается», квартирьер написал крупными буквами фамилию офицера на дверях дома и ушел, не обернувшись на «мадам», которая все еще что-то «причитала».

Вечером, при свете едва мерцающей керосиновой лампы, старик еврей ругался, предвидя вселение в его дом «гоя». Сама мадам, еще видная и представительная женщина, ругалась ничуть не меньше. Двое подростков, сыновья Мендельсона, тоже горячо «дебатировали» этот вопрос... И только девушка, сидевшая в углу, с резкими чертами красивого лица и дивными, с выражением особой таинственности, глазами, как настоящая дочь Израиля, задумчиво молчала.

Раздался стук в дверь и в комнату вошел красивый молодой офицер, в казачьей форме. Его строй-

ная фигура, открытое, с благородным овалом лицо, яркие глаза и играющая на губах чуть шаловливая улабка — невольно внушали доверие, но семья еврея встретила его неприветливо и хмуро. Лишь девушка вежливо ответила на его приветствие и в глазах ее, поднятых на него, мельнули огоньки, выдававшие чисто женское внимание.

— Простите, г-н Мендельсон, сказал вежливо офицер хозяину, здесь, кажется, отведена мне комната?

— Да, здесь, — сухо ответил старик, показывая на дверь тут же вправо.

— Вы, кажется, не очень этому довольны? продолжал офицер в шутливом тоне.

Еврей молчал. Насупленно молчали и сыновья его и только девушка приветливо улыбалась.

— Я тоже, сказал офицер без смущения, с легкой иронией. — И я, быть может, был бы более доволен, если бы мне отвели комнату где либо в Киеве или Минске, но что же делать... война, а с ней и ваши и мои неудобства...

Веселый тон, непринужденность и жизнерадостность гостя видимо тронули еврея. Он встал и, улыбаясь проводил офицера в отведенную ему комнату. По правде, она была не из особенно шикарных. Мебель старая. видавшая виды. Старый, с вытянувшимися пружинами, диван, дешевые «лубочные» картины... Однако, красивая резная кровать, чистое белье и кафельная печь с горящими в ней дровами — производили впечатление уюта и располагали к отдыху.

«Не так еще плохо», подумал офицер и стал раздеваться.

Снял красивую из желтого курпея папаху, снял изящную, на лисьем меху, «бекешу», отстегнул нагай, положив его на столе у кровати, снял «дедовскую», всю в серебре, шашку и, оставшись в кителе, стал ходить по комнате. Звон шпор четко оттенял его шаги в тихом полумраке угасающего вечера.

Через несколько минут раздался осторожный стук в дверь и на пороге появилась фигура хозяйки. Хмурый вид ее уже исчез и она приветливо, почти с радушием, улыбалась.

— Вам не нужен-ли, спросила она предупредительно, чай или вужин? Вы все можете получить у нас и не так дорого, как у других...

— Пожалуйста, ответил офицер, улыбаясь. — Благодарю за любезность. Не откажите лишь приказать подать и ужин и чай — все вместе.

Лицо хозяйки еще более просветлело.

— Виноват, продолжал офицер с явной целью поддержать «коммерцию», если возможно. я просил бы к ужину и бутылку вина, ибо вы, надеюсь, понимаете, что на войне без вина совсем скучно.

— Вино у нас сравнительно дорого, заметила с еврейской находчивостью хозяйка.

— Это неважно. Теперь, ведь, деньги совсем дешевые, ответил офицер просто и, кажется, окончательно победил сердце «больной животом» женщины.

Был накрыт чистой скатертью стол, и появился «вужин». Какой-то особенный суп, с несколько резким вкусом; жаркое; фаршированная по еврейски щука и какое то с пряным запахом сладкое. Все чисто, отлично сервировано и все подавала «сама мадам». Лишь чай принесла ее дочь, та самая красивая девушка, что сидела в углу при появлении офицера и чей взгляд, бегло сверкнувший из-под опущенных ресниц, не ушел от его внимания. Мать торжественно представила девушку.

— А это, сказала она с нескрываемой гордостью, моя дочь Ревекка, вучит медицину в Харькове.

— Не вучит, мама, а учит поправила девушка, мило улыбаясь, и смело, несколько по мужски, подала руку офицеру.

Пристально будто под влиянием какой то тайной силы, «гой» глянул в глаза еврейки и почувствовал, как кровь приливает к лицу его и какое то странное томление разливается в сердце. Так поразила его красота ее таинственных глаз и чарующий зов ее девственной, как расцветающая роза, улыбки. Ее лицо было матово бледным, как холодный мрамор, но под ним, в зарницах румянца сверкает и горит знойная кровь ее предвечной расы. Глаза манят чарующей лаской, но эта ласка загадочна, как загадочно, таинственно и неизвестно нечто скрытое в глубине существа еврейской женщины. Ее улыбка очаровательна и губы — как кровь, но не выпьют ли кровь из ваших вен эти прекрасные губы, когда им будет предписано это страшным законом Мессии!

Она, повидимому, скромна и целомудрена. Ея взгляд искрист, как у лесной лани, но не скрывает ли эта лань замысла змеи и не сгорает ли скромность под пламенем безумной страсти. Кто это знает?

Из любезности и невольной заинтересованности красивой девушкой, офицер предложил «дамам» сесть и начался разговор на тему дня: о революции, о войне, о чем, вообще, тогда все и везде говорили.

— Вы казак? — спросила девушка после нескольких, чисто шаблонных вопросов.

— Да, я донской казак, с некоторой гордостью ответил офицер, не отрывая глаз от ее красивого, чуть задумчивого взгляда.

— Это отличное войско, сказала девушка и голос ее дивно вибрировал в гортанных звуках.

— Разрешите знать, продолжал офицер, из каких данных у вас сложилось это мнение?

— Я была на позициях сестрой милосердия и видела атаку донцов под Хоржем. Две сотни их тогда взяли две батареи немцев. Как красив был их строй и как неудержимо неслась их линия с наклоненными копьями!...

Глаза девушки заискрились...

— Простите, сказал офицер, но когда вы успели быть на позициях? Вы еще так молоды.

— У нас рано созревают женщины, сказала девушка с загадочной улыбкой. Это одно, а другое — мне 20 лет...

— Вы видите, какая она! восторгалась мать, не сводя глаз с красивой фигуры дочери. — И ни в чем остановить ее нельзя. Она и в бой способна идти с солдатами.

— Неужели вы так храбры? — спросил офицер, обращаясь к девушке тоном шутки.

— Нет, отвечала Ревекка просто. Но если нужно, я пойду на все.

И снова взгляд ее вспыхнул и потух под ресницами, как молния в степи осенней ночью. Видимо большой характер вложен в это увлекательное существо, подумал офицер и сказал девушке:

— Я не поклонник храбрых женщин...

— А что вы думаете о большевиках? — будто преодолевая некоторую неловкость, спросила Ревекка.

— Я думаю, — сказал офицер и глаза его гневно загорелись, — что это вообще мерзавцы.

— Как мерзавцы? — спросила девушка чуть дрогнувшим голосом. Лицо ее вспыхнуло, глаза стали, как лед, холодные.

— А так, — продолжал офицер чуть надменно, — мерзавцы, сознательно ведущие государство к гибели...

— Но ведь они сейчас у власти, — продолжала девушка и в глубине ее голоса звучала прикрытая иронией угроза. — И вы у них... А Ленин ведет всю политику России.

— Ну и чорт с ним, ответил офицер, бравируя политической дерзостью.

— А вы знаете их программу? — спросила Ревекка, чуть прищурив глаза, как змея в ожидании нападения.

— Ихъ программа видна по делам, а что пишется в программах — не важно.

— Нет важно, — возразила девушка, чуть сдвигая брови. Ибо дела иногда сходят с рельс, как поезда, когда идут с большой быстротой. Но из этого, конечно, не следует, чтобы они вообще не шли по рельсам. Не правдали? Так и у них. А разве неправда, что все должны быть равны, что все должны быть свободны и что все должны иметь свое место под солнцем?

— Это, конечно, правда, — твердо сказал офицер. — И я согласен с тем, что многое нужно изменить в старом порядке вещей, начиная с царя и его при-

ближенных, но к целям идти надо не обманом, не предательством и подкупом, не с грабежом и насилием, а честно, быть может тоже очень жестоко, но честно...

— Вы правы, какъ и все ваши старые рыцари, — с чуть заметной иронией говорила девушка, — но все это так должно быть в теории, а едва выйдете в жизнь, как сама жизнь заставляет менять тактику и идти к целям другими путями.

— Вы хотите сказать, — возразил офицер, — что цель оправдывает средства?

— Да, и это хочу сказать, — ответила девушка, чуть вызывающе, — ибо иногда в известном моменте действий необходимо и это. И не нужно пугаться тех чучел, какие оставили нам старые поколения и которые их когда то пугали. Теперь время ушло вперед, многие из старых принципов стали только чучелами их и пугаться их было бы напрасно.

— Я не из робких и не из слепых, — сказал офицер, — но я и не из тех, кого можно вести с завязанными глазами.

— Это к вашей чести, — сказала девушка и загоревшиеся огнями глаза ее смело встретились с его строгими, непокорными глазами, будто встретились в одной мысли, в одной отдаленной мечте, в одном новом, загадочном фантастичном влечении.

— А как ваше имя? — спросила вдруг, будто неожиданно для нее самой девушка.

— Мое имя — Виктор, ответил офицер.

— Это значит — победитель, продолжала девушка, будто читая в неведомой книге. А мое имя — Ревекка, что значит — рабыня. Не правда ли какое странное совпадение?

Она загадочно, таинственно и лукаво озарила его таким взглядом, от которого у него потемнело в глазах и в какой то смутной тревоге сильно забилось сердце.

Они говорили бы еще долго и горячо, как говорят два расцвевших для любви сердца, но мать, к сожалению, допила чай и стала прощаться.

Ревекка ушла. Офицер остался один в пустой, теперь ставшей неуютной и душной комнате. В его сознании безотчетно рождалась мысль, что образ этой девушки для него фатален, что есть нечто загадочное, что уже легло между ними и что влечет их друг к другу с необ'яснимой силой. Что-то неосязаемое, как магнетизм, и что-то непреоборимое, как высшая сила. Казалось так же, что нечто, родившееся между ними сейчас, уже проявляет себя, как цепь, связавшая их сердца, и это нечто новое зовет их к одной прекрасной мечте, к одной загадочной, как темная ночь, но обаятельной страсти. Как знать — быть может к одной судьбе и, кто поручится, что не къ одной смерти!

II.

Прошло две недели. Чуть не каждый день, за это время, Ревекка по вечерам заходила в комнату Виктора, то с матерью, то с подругой, красивой молчаливой блондинкой, а последние дни приходила одна и они долго, целыми часами спорили о политике. Старик Мендельсон целые дни до позднего вечера сидел в другом конце городка, в своей маленькой лавченке и, конечно, не знал, что происходит в его доме. Мать же, видимо, была под влиянием дочери и ни в чем не противилась ее желаниям.

Так шло, в таинственных ручьях жизни, странное на первый взгляд, сближение этих двух существ, двух умов, до того живших в двух враждебных лагерях, двух сердец, до того друг другу неизвестных и чуждых. И, странно, в этом невольном сближении, споры о политике были их постоянной темой.

Из прежде открытых врагов, из воинов двух враждебных армий, они обращались в друзей, друг друга понимали, друг друга поддерживали и всегда приходили к одному и тому же решению, которое легко укладывалось в границах тех уступок, какие каждый из них, будто незаметно для самого себя, отрезывал от своей основной программы.

Правда большевизма, страшная, вся кровью залитая, правда стала светлеть и оправдываться в глазах офицера. Стала во многом понятной и допустимой. «Их» идеалы о равенстве, братстве и свободе человеческой личности, как пауки расбрасывали сети в его сознании и как неведомые чудовища охватывали и влекли его душу куда то в страшную глубину, где не было сопротивления. Рядом с этим росла страсть. Порой Виктор чувствовал, что обольстительный образ еврейки, как бешеный вихрь, подымал его, как соломинку, бросал в страшную высоту и нес вдаль куда-то, так далеко, где не было ни одной родной души и ничего родного.

Страсть и сила красоты — та же страшная сила, что бросила в прах Адама и сломила железную мощь Самсона — это она опьянила его, как вином. Влекла и мучила, делая рабом ее бешенных желаний...

Что я делаю?! Куда иду?! Что со мной?! спрашивал себя иногда в минуты отрезвления офицер с жутким ужасом в душе и болью в сердце. Ведь это же большевизм!

Но образ прекрасной еврейки был всесилен и покорял все. Он рассеивал туман набегавших сомнений. Все при нем становилось ясно, он вырывал из души последние корни оставшегося неверия.

Что влекло Ревекку к нему? — Это было вначале только ее партийной ролью, но потом в эту скрытую, предательскую роль, незаметно для нее самой, вползла страсть, как змея в дом. Горячая страсть женщины... И она сама теперь не знала, где кончается ее партийная задача и где начинается безумная любовь к красивому, храброму и умному офицеру...

III

Прошел целый месяц. Срок отдыха сотни подходил к концу. В день перед от'ездом Виктора на позицию, вечером, как всегда, к нему пришла Ревекка. На ней было прекрасное голубое платье, браслет с дивным изумрудом. Красивые, будто из мрамора точеные, руки обнажены до плеч и брильянты в ушах, яркие как весенние звезды. Но ярче всех брильянтов светят ее глаза, сегодня особенно таинственные, особенно прекрасные, с каким то новым, скрытым в глубине их страстным выражением. Грусть лежала в чертах ее очаровательного лица и улыбка ее кораловых губ скрывала какое то решение.

— Отчего вы грустны? — спросил Виктор Ревекку.

— А вам разве не грустно? — спросила девушка и загадочный взгляд ее глаз магнетически впился в лицо офицера, горящий, явно страстный.

— Мне грустно оттого, что я не буду вас видеть, сказал офицер в порыве жгучего влечения.

— И мне, — сказала тихо, почти шепотом, Ревекка. Глаза ее полузакрыты, ресницы дрожат и губы ее пылают будто в открытой жажде...

Разгадал ли это офицер, но он, как тигр, бросился к девушке и впился поцелуем в ее горячие, чуть дрожащие губы. Тело девушки вдруг задрожало, как дрожит осиновый лист перед бурей. Руки, как белые змеи, нежно поползли и свились в об'ятьях. Раскрылись глаза с их жаждущим пламенем и желанием все забыть для любви и безотчетной страсти. Но это был лишь миг. В следующий момент она овладела собой и твердо сказала: Ты видишь, что я люблю тебя, но я буду твоей лишь тогда, когда и ты будешь только мой, пойдешь со мной против всех своих и все порвешь с ними...

Момент офицер стоял в оцепенении. Разум боролся в нем с бушующей бурей страсти. Все предать родное, святое, священное!... Все забыть, презреть и бросить!.. Бездна раскрывалась перед его глазами... Прямо у ног его — темная, страшная, кровавая бездна. Но в этой пропасти, на самом дне ее он с невероятной яркостью видел расцвевший пленительным цветом красный мак, цвет ее бешенной страсти. Только там, иль нигде и никогда в жизни!... С затуманенными глазами он разжал свои руки и сказал пламенно, как зачарованный:

— Порвать со всем — это ужасно... Но для тебя и царственной красоты твоей ничто не страшно.

Как ваш Давид, я готов для тебя вызвать на бой трех Голиафов...

— Зачем, сказала Ревекка с милой улыбкой и по детски чистосердечно. Это рыцарство отжило свой век. Не время теперь бросаться на мельницы, как Дон-Кихот. Драться с великанами — совсем не время. Наши девизы гораздо проще. Мы ползем беззвучно и бросаемся неожиданно, врасплох...

— Но, ведь, это же...

Он не договорил. С пленительной улыбкой Ревекка ладонью закрыла ему рот и повелительно, тоном царицы, сказала:

— Так нужно!

И он замолчал, не находя сил противиться силе ее красоты. Чувствовал, что он побежден и не мог сопротивляться, как скованный железными цепями.

Несколько секунд они оба молчали, измеряя друг друга горящими взглядами. Потом она провела рукой перед глазами, будто магическим жестом колдуньи, и сказала тихо, шепотом:

— И так... ты готов?

Еще раз бездна падения раскрылась перед Виктором. Еще раз на дне ее мелькнул красный мак и он невольно вздрогнул, но сейчас же сказал решительно и вызывающе:

— Готов на все!..

— Это меня безумно радует, — перебила Ревекка, — не скрывая торжества своей двойной победы. Я люблю тебя. И если ты на все готов, то ты напишешь несколько слов, которые я тебе продиктую. Надеюсь и это тебя не испугает, мой рыцарь?!

Не испугает ничто, ответил он решительно и в лице его светилась готовность на все, как светятся лица приговоренных к смерти. Последняя, бесповоротная и безвозвратная решимость.

— Тогда возьми перо, отделяя каждое слово говорила Ревекка и напиши вот на этой бумаге... кровью...

Она достала из-за корсета изящный листок черной, как ночь, бумаги и подала ему.

Он клинком походного ножа небрежно надрезал левую руку выше кисти и, омочив перо в бегущую струйкой кровь, стал писать:

«Клянусь Богом, что отрекаюсь от родины моей, от родных моих и от всего родного»...

Улыбка победительницы мельнула на красивых губах ее и она сказала нежно и вкрадчиво:

— Теперь последнее: И буду воином красной борьбы до смерти...

И это написал он, лишь невольно дрогнула рука и задрожало перо в последнем усилии, когда писал он о страшном сроке до смерти.

Нервно и взволнованно Ревекка взяла из рук Виктора окровавленную бумагу с клятвой и стала медленно жечь ее на огне свечи...

Когда бумага сгорела и погасла свеча, Ревекка возбужденно, с торжествующей улыбкой сказала:

— Теперь твоя клятва записана кровью и огнем. Ты весь мой...

При последних словах она в радостном волнении, не скрывая страсти, с безумной поспешностью стала сбрасывать с себя платье...

(Продолжение следует)

И. К. Скубани

В монастыре

«Наш общий друг, полковник Т. с 1922 года находится в одном из монастырей, расположенных в Карпатских горах»...
(Из письма).

В Карпатах, возвысясь над лесом душистым,
На плоской вершине массива крутого
Сияет в тумане крестом золотистым
Святая обитель служителей Бога.
В обители этой кубанец бездомный
С израненным телом, покрытым рубцами,
С больною душой и тоской неуемной
Четырнадцать лет разделил с чернецами.
В стенах монастырских болезнь утихает,
Туда искушенье пробраться не смеет,
Но грустный послушник и там все страдает
И сердцем иные картины лелеет.
Напрасно дьячек о смиреньи читает —
Не слышит казак слов Божественной книги.
Он жаждет простора, он воли желает.
Его угнетают клобук и вериги.
Ах, часто ему среди жаркой молитвы
Рисуется ужас казацкой печали —
То слышится грохот отчаянной битвы.
То чудятся степи зовущие дали.
То вспомнит, склонясь перед Спасовым ликом.
Кошмарную полночь пасхальной недели.
Когда неожиданно, с ревом и гиком,
Вороньею стаей враги налетели.
Незванных гостей он принял, не робея,
Как лев, окруженный внезапной облавой.
И, шашкою острой искусно владея,
Геройски сражался с галдящей оравой.
Предсмертные крики носились во мраке,
Злодеев нарублены целые горы,
Но в этой неравной и яростной драке
Убитым на смену шли новые своры...
Дрожа и рыдая, испуганно жались —
Семейная гордость — его казачата...
Жена молодая, борясь, отбивалась
От хамских насилий кривого солдата...
Но все, все погибли... Тел страшная груда:
Отец седовласый, жена, мать и дети...
Над ним лишь одним совершилося чудо —
Он вырвался будто из прорванной сети.
Ушел... С колокольни срывались трезвоны —
Станицу повстанцы в ту ночь захватили,
На улицах слышались выстрелы, стоны —
Насильников русских повсюду рубили.
Спасенье!.. Но, поздно. Забрызганный кровью,
Вернулся в курень свой, завыл пуще зверя...
И там над родными, с мольбой и любовью,
Он плакал, ужасной их смерти не веря...
А после — невзгоды, изгнанье, мученья...
Черкеска сменилась подрясником грубым...
— «О, Боже, прости мне мои прегрешенья!..»
Смиренно лепечут поблекшие губы.
Он молится страстно, слезами залитый,
Главой припадая к сырой половице,
О счастьи минувшем, о жизни разбитой,
О взятой врагами родимой станице...

Владимир Куртин

Жив дух казачий

Все мы испытали на себе силу тяжелого великорусского административно - государственного аппарата, столетиями работавшего над нивеллировкой народов, вошедших (втянутых, покоренных) в состав Российской Империи. Столетиями огромный, мощный аппарат руссифицировал народы, населяющие территорию бывшей Империи. И многим отдельным представителям тех народов уже казалось, что они такие же русские, как и сами русские. А для самих русских вообще не существовал никакой иной национальный вопрос «по эту сторону арчака казачьего седла». Продвигается казачий арчак на территорию какого либо народа — для русских того народа уже не существует. Ибо — одна земля, один и народ. Для них весь огромный комплекс Российской империи, ростом по плечо самому миру, имел (должен был иметь) одно единое сердце с единым ритмом, с единым чувством беспредельной любви и преданности «общей» родине.

Русское дворянство свой взгляд на свои угодья и вотчины перенесло на территорию всего государства. Свою историю, историю российского дворянства, выдало за историю русского народа. Свою «супериорность»[1]) (перед рабами не трудно было быть супериорными) выдавало за супериорность русского народа... в присвоении прав на земли и богатства «выведенных в расход» («руссифицированных») народов. Для них Россия — прекрасное дворянское гнездо, совершенно природно и по Божьему закону почивающее на животишках и горбах богоносного непротивленца-мужичка.

Естественно, что с высоты своих гнезд дворянство видело один народ — согбенные спины, чем великорусский народ (в гнезде и под гнездом), в сущности, и есть. А за фирмой этого своего народа им не видны были (не хотели видеть) другие народы, имевшие несчастье жить под их гнездами.

И потому всякое освободительное движение народов, не желавших гнуть спины, русскими верхами расценивалось как бунт «воров» против богоданных господ. А сами русские мужички, перенявшие эту «супериорность» своих господ, как лакей перенимает привычки барина, переработали (переварили) ее в свою своеобразную «супериорность» русского хамсела.

Дворянская великорусская спесь, разбавленная мужичьим хамсельством, и есть та северная смесь, которая в широком свете известна ныне как основная составная часть русского большевизма.

Столетья жили Казаки бок о бок с дворянскими гнездами. Теснились, чтобы дать место «заявкам», а потом «угодьям» русской дворянской знати. Урезывали свои паи и наделы; беднели, чтобы дать возможность обогащаться на их счет русским хамселам.

Двести слишком лет русская божеская власть руками своих рабов душила казачью волю, а политикой руссификации прививала свои рабские принципы свободной казачьей душе. А сейчас, уже 17 лет, кровные наследники дворянской богоданной власти кровавыми экспериментами внедряют в казачью душу свой хамизм. Выдирают и самые корни великих принципов, на которых жило и развивалось Вольное Казачество:

Свобода. Равенство. Братство.

И все-же, в. казаки живы. Не согнули спины там и не «расклиматизировались» здесь. Не сделались русскими коммунистами там, ни «русскими казаками» здесь.

Развал государства Российского, а с ним и возможность самостоятельного государственного строительства свалилась на казаков совершенно неожиданно. Огромное большинство казачьей интеллигенции, оторвавшейся от народа, оказалось или дезорганизовано и вовлеклось в великорусское русло, или само активно потекло по тому руслу — наперекор казачьей народной стихии, вопреки казачьей потенциальной силе, которую развал Российского государства и возможность своего государственного строительства не застали врасплох, хотя и свалились неожиданно, как и на казачью интеллигенцию.

Все мы хорошо знаем, что Станица, послав на внешний фронт все боеспособное, молодое, жертвенное, одушевленное перспективой свободной, ни от кого независящей жизни Казачества, провело внутри стройную организацию своей созидательной жизни, проявив на внутреннем фронте не меньшее напряжение, чем казаки на внешнем фронте, фронте борьбы за мирную жизнь Станицы.

И всю эту организационную работу Станица провела в исключительно неблагоприятных условиях. Не только потому, что главные ее силы были отвлечены борьбой с красными неприятелями, но и потому, что ее организационной работе изо всех сил мешали неприятели белые.

Без предварительной пропаганды, без агитации и без политических вождей Станица одним мощным взмахом стряхнула с себя вековую пыль великороссийского нивеллирующего административного аппарата и устами своих мудрых горьким опытом и сильных кровной преемственностью со славным прошлым стариков заявила вначале:

Если Россия будет действительно свободная и демократическая, будем жить с нею, но не ближе, чем на федеративном расстоянии.

И не казаки виновны в том, что из этой «федерации» ничего не вышло и что они вступили в ряды тех народов б. Российской Империи, которые, пережив такое же заблуждение и разочаро-

[1]) Превосходство.

вание,[2]) конечную цель своей борьбы с коммунистической Россией видели и видят в полном и абсолютном своем освобождении от всякой России.

Станица вначале поверила, что ее представление о свободе и демократичности разделяет и весь русский народ и что ее формула свободного сожительства различных народов в «одном дворе» и ее особую идеологию и психологию этого сожительства можно распространить на весь русский народ. Короче, свой устав хотели ввести в чужой монастырь, а потом вступить с ним в федеративное родство. Правда, такое прекраснодушие продолжалось недолго...

Три года гигантской борьбы. Три года неимоверного напряжения всех духовных и физических сил. Три года неизмеримых жертв выдержала Станица и не вина казаков в том, что борьба не довела до желанного конца... за те три года.

Но, борьба продолжается и окончится только тогда, когда Казачество осуществит свою заветную мечту, выраженную в двух кратких формулах:

Наш девиз — Казачья Воля
Казакия — наша цель.

Мы твердо верим, что исходом борьбы будет осуществление нашей мечты. Верим, ибо наша воля к свободной творческой жизни — неизсякаема. Ибо вера наша зиждется на огромной потенциальной силе рядового казачества, которая, раз перейдя в силу динамическую, уже не остановится никогда. И Казачество осуществит, точнее — возобновит на своей Земле свою особую форму свободного сожительства ввиде союза равных, братства вольных. Идеология этого сожительства — крепкая, веками испытанная, облеклась в конкретную форму:

Казакия.

Психологически она неизбежно будет связана в крепкий союз с соседними народами, которые, как и народы Казакии, обладают данными, обеспечивающими им свободное развитие, наряду и наравне с другими культурными народами.

В 1917 году казачий народ мог бы с честью выдержать экзамен на «звание» хозяина свободного и независимого государства и только роковая спряжка казачьих верхов с гробокопателями казачьей свободы и независимости не дала казакам-самостийникам воспользоваться выгодами своего «звания».

Но, умертвившие тело Рябовола и Кулабухова, не умертвили их духа. Творческий, свободный дух истинных сынов многострадальной Казачьей Земли и в невозможных условиях эмигрантской жизни облекся в осязаемую форму.

Вольно-Казачье движение не остановится пока не заполнит границы Казакии.

Походное знамя в. казаков — в искусных и твердых руках.

Сила казачья, сбитая в один кулак около этого знамени, вырвет свою Землю из красных лап и даст своему народу счастье —

быть хозяином на своей Земле.

[2]) Ибо в начале революции все народы, кроме русских, были федералистами.

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть III.

(июнь - декабрь 1919 г.)

После того, как члены Рады, вызванные в атаманский дворец, вышли из помещения Рады, ген. Покровский послал к председательствующему в Краевой Раде Султан-Шахим-Гирею требование: снять охрану Рады. Председательствующий немедленно подчинился этому требованию. Ген. Покровский приказал ввести в Раду кубанских юнкеров для несения караульной службы...

После этого Краевая Рада избрала особую делегацию к ген. Деникину и дала этой делегации наказ идти на такие уступки:

«1. Кубанская делегация во Франции лишается своих полномочий.

2. Куб. краевая Рада вновь торжественно подтверждает свою решимость вести борьбу с большевиками до победного конца в полном единении с Добровольческой армией.

3. В интересах борьбы за возрождение Единой, Великой, Свободной России должна быть организована общая власть на юге России с сохранением для Кубани, Дона и Терека автономии в их внутреннем самоуправлении».

Кроме того, Делегации поручается просить ген. Деникина:

1. Поручить организацию следствия и суда над членами Кубанской делегации во Франции — Кубанской судебной власти с участием, если того пожелает ген. Деникин, его представителей.

2. Освободить членов Рады. Если и это невозможно, то судить их в Кубанском суде.

3. Передать командование кубанскими тыловыми частями Кубанскому Войсковому Атаману.

Это постановление Рады было принято единогласно.

Разрешив эти вопросы, Рада прервала работу до следующего дня. Когда члены Рады расходились по квартирам, были арестованы члены Рады — полк. **Фесько,** есаул **Подтопельный, В. С. Жук, А. И. Балабас** и его брат — не член Рады, и тоже привезены в штаб ген. Покровского.

После этого ген. Покровский отдал приказ об аресте еще трех человек: **И. А. Билого, Л. В. Белашева** и **М. Зозули.** Но агенты Покровского фактически не в состоянии были произвести эти аресты.

Поздно вечером арестованным привезли больного тифом полк. **К. Гончарова.**

Избанная Радой делегация для поездки к ген. Деникину вечером того же дня посетила Покровского и просила его об облегчении участи арестованных.

Победа русских над Кубанью была полная. Вечером 6-го ноября Покровский сообщал Врангелю в Кисловодск следующее:

«Ультиматум был мною пред'явлен вчера, срок истекал к 12 часам дня. Сущность ультиматума вам известна. От 9 1/2 до 12 велась торговля. На совещании у Атамана присутствовали: Сушков, Скобцев, Горбушин, оба Успенские и еще какой-то член, не помню,

Все уговаривали меня во избежание кровопролития отказаться от своих требований и убеждали дать согласие на посылку делегации Главкому. В виду полной неприемлемости и явно намеренной оттяжки, я к 12 часам отказался продолжать переговоры и направился к войскам. В этот момент совещание признало необходимым выдать мне Кулабухова, которого я арестовал и отправил к себе на квартиру. Тут же совещание по вопросу о выполнении моего второго требования — выдачи мне лидеров самостийников, постановило ехать в Раду и потребовать от них сдачи мне. Прибыв к войскам, состоящим на 3/4 из Екатеринодарского гарнизона, я был встречен ими криками «ура», мною был послан в Раду офицер, передавший президиуму мое требование — немедленно выдать мне лидеров и собрать Таманский дивизион охраны Рады, для сдачи оружия. В виду затяжки с ответом и истечения срока, мною была введена в Раду сотня для занятия караулов и разоружения таманцев. Против Рады была выстроена также сотня. В период процесса безболезненного разоружения ко мне стали являться самостийники, которые тут же арестовывались и отправлялись во дворец. Рада реагировала на все мои требования сочувственно. В данный момент у меня на квартире сидят: Петр Макаренко, Омельченко, Воропинов, Манжула, Феськов, Подтопельный, Жук, Балабас и сын Безкровного; брат Рябовола, Иван Макаренко и Безкровный скрылись и разыскиваются. Дальнейшие аресты производятся. Таманцы обезоружены и взяты под стражу. Рада выбрала делегацию для посылки Главкому, с изъявлением покорности и с декларативными заявлениями об ориентации на Единую Россию, делегация сидит у меня. Обратный мой проезд во дворец сопровождался криками «ура» всего населения. Убедившись в безболезненном окончании операции, атаман решил, что он может оставаться у власти, сочувствия со стороны политических деятелей нет, в данное время общая ситуация совершенно не в его пользу. После окончания разговора с вами, я соединяюсь со ставкой, дабы мой последующий совместный с Филимоновым разговор со ставкой, который я вынужден был ему обещать, не дал бы смягчающих решений в ставке». (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 232).

В этом донесении Покровский многое напутал умышленно, многое подкрасил. Процесс арестов нами изложен в полном соответствии с действительностью. Точно также и снятие караулов в Раде произошло по распоряжению председательствующего. Ни население, ни тем более войска, кроме сотни, стоявшей напротив дверей Рады, решительно ничего не знали об арестах, так как самый арест членов Рады был произведен во дворце Атамана. Последовавшую затем перевозку арестованных из дворца в штаб Покровского произвели в закрытых автомобилях и с опущенными шторами. Так что снова ни население, ни войска не видели арестованных...

Из этого донесения Покровского видно, что он считался с мнением Филимонова.

Получив донесение Покровского, Врангель в тот же вечер, 6 ноября, издал нижеследующий приказ:

«Приказ Кавказской армии. Нр. 557. 6 ноября 1919 г. Г. Кисловодск.

Прикрываясь именем кубанцев, горсть предателей, засев в тылу, отреклась от Матери-России. Преступными действиями своими они грозили свести на нет все то, за что десятки тысяч кубанцев пролили свою кровь. Некоторые из них дошли до того, что заключили преступный договор с враждебными нам горскими народами, договор предания в руки врага младшего брата Кубани — Терека. Пытаясь развалить фронт, сея рознь в тылу и затрудняя работу Атамана и Правительства в деле снабжения и пополнения армии, преступники оказывали содействие врагам России, той красной нечисти, которая год тому назад залила Кубань кровью. Как командующий Кавказской армией, я обязан спасти армию и не допустить смуты в тылу. Во исполнение отданного мною приказания, командующим войсками тыла армии ген. Покровским взяты под стражу и преданы военно-полевому суду в первую голову **двенадцать** изменников. Их имена: Кулабухов, Безкровный, Макаренко, Манжула, Омельченко, Балабас, Воропинов, Феськов, Роговец, Жук; Подтопельный и Гончаров. Пусть запомнят эти имена те, кто пытался бы идти по их стопам. Ген. Врангель».

Поздно вечером А. И. Кулабухов был предан военно-полевому суду, который вынес следующее постановление:

1919 г., ноября 6 дня, г. Екатеринодар. Военно-полевой суд, учрежденный на основании приказа командующего войсками тылового района Кавказской армии от 6 ноября нр. 6, в составе председателя полк. Камянского, членов: есаула Лычева, есаула Прудий, есаула Зекрач и есаула Хорина, рассматривал дело об Алексее Ивановиче Кулабухове, казаке станицы Ново-Покровской, Куб. обл., и признал его виновным в том, что в июле текущего года он, в сообществе с членами Кубанской делегации: Бычем, Савицким Намитоковым, с одной стороны, и представителями Меджилиса горских народов: Чермоевым, Гайдаровым, Хазаровым, Бамматовым, с другой стороны, подписал договор, явно клонящийся к отторжению Кубанских воинских частей в распоряжение Меджилиса, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 100 части 3-й и 2-й ст. 101 и 108 Уголовного Уложения, и приговорил его к смертной казни через повешение».

«Настоящий приговор подлежитъ представлению на утверждение командующего войсками тылового района Кавказской армии». (Подписи).

На приговоре резолюция: «приговор военно-полевого суда утверждаю. Покровский».

В ту же ночь палачи Покровского повесили А. И. Кулабухова на Крепостной площади в Екатеринодаре, недалеко от могилы убитого русскими же председателя Краевой Рады Н. С. Рябовола.

В тот же вечер, 6-го ноября, Врангель сел в Кисловодске в поезд и поспешил в Екатеринодар. Когда он прибыл в столицу Кубани, А. И. Кулабухов качался еще на виселице. Об этом знал весь город.

Как же отнеслись в Екатеринодаре к палачу Кубани?

«На вокзале я встречен был Войсковым Атаманом, чинами Войскового Штаба, Походным атаманом (ген. Звягинцевым), ген. Покровским и многочисленными депутациями», хвастается Врангель. «Почетный караул был выставлен от Гвардейского казачьего (подчеркивает Врангель с наслаждением) дивизиона. Верхом, в сопровождении ген. Покровского и чинов моего штаба, я проехал на квартиру ген. Покровского по улицам, где шпалерами выставлены были войска — полки бригады полковника Буряка, юнкерское училище (Врангель путает: никакого юнкерского училища в Е-ре не было, а было военное), части местного гарнизона. Отданный мною вчера приказ уже был отпечатан и расклеен на стенах домов в большом количестве экземпляров» (стр. 233).

И Врангель донес Деникину: «Приказание Ваше Нр. 016729 исполнено — член Парижской конференции Кулабухов арестован и по приговору военно-полевого суда сего числа повешен. Екатеринодар, 7 ноября 1919 г., Нр. 181. Врангель».

В это время на Крепостной площади в Екатеринодаре происходило следующее: ...«С утра ряд за рядом, кучка за кучкой, идут жители к площади, и такая же лента людей молча возвращается обратно.

«На площади высятся столбы, у которых молчаливо колышется толпа. Ни слова, ни рассуждения, ни радости, ни насмешки... Толпа слишком подавлена зрелищем, чтобы выражать свои мнения.

«Через толстую перекладину перекинута веревка, и труп при каждом порыве ветерка чуть-чуть покачивается, да полы серой черкески раздуваются и волосы повешенного чуть-чуть шевелятся.

«Придет новый человек, спросит у стоящих и не отрывающих глаз от трупа:

— Это Кулабухов?

«Спрашиваемый вздрогнет, повернется и, словно во сне, нехотя бросит:

— Да, Кулабухов!

«И снова глаза обращаются к доске, где химическим карандашем написаны слова:

— За измену России
и Кубанскому Казачеству. —

«И снова взгляд обращается на бледное лицо трупа. Снова и снова приходят жители, среди которых много военных, и изредка мелькает лицо какого-нибудь члена Рады.

«Ни охраны, ни часовых...

«Все так просто...

«А живая лента все вливается в ворота площади, суетясь и перегоняя друг друга...

«Правосудие совершилось». («Кубанское Слово»)...

Первая часть программы работы предателей и палачей Кубани была выполнена. Теперь генералы приступили к осуществлению второй части. Об этом Врангель рассказывает так:

7-го ноября «от ген. Покровского я проехал в Раду, где к приезду моему собрались все ее члены... Встреченный в вестибюле Атаманом и Председателем Правительства, я прошел в зал. При входе моем вся Рада встала и члены ее и многочисленная публика, заполнявшая трибуны, встретила меня аплодисментами. Атаман, поднявшись на трибуны, приветствовал меня речью:

«Добро пожаловать! Позвольте мне быть искренним и в этой искренности поведать вам наши тяжелые печали и наше тяжелое горе. Тяжкие испытания переживает сейчас Кубань. Тяжесть ответственности момента особенно глубоко чувствуется народными избранниками, здесь заседающими. Ошибки времени привели к тем событиям, которые тревожат и волнуют и удручают нас. Мы удручены, мы подавлены, в головах и сердцах наших происходящие события отзываются тяжелым ударом. И великое беспокойтсво внедряется в умы наши...

...Мы, представители народа, обращаемся к вам с просьбой учесть момент, учесть жертвы, принесенные нами, и прежде чем принять решение относительно задержанных членов Краевой Рады, взвесьте всю обстановку, в которой мы живем и которая нас окружает. Рада обращается к вам от чистого сердца с просьбой освободить их и передать в наши руки (крики «просим»). Ваше превосходительство, Краевая Рада сумеет в спокойной деловой обстановке обсудить их деятельность и сумеет вынести и определить им должное. Это наша единственная и горячая просьба» («просим»).

Потом ген. Врангель произнес очень длинную речь, в которой повторил все свои клеветы на Кубань и на Законодательную Раду.

Вся рада, стоя, выслушала его речь. Врангель уехал на станцию.

Потом Рада избрала особую делегацию специально к Врангелю, чтобы просить его об освобождении арестованных. Рядом с этим Покровский особой записочкой на клочке бумажки пригласил к Врангелю человек 7-8 членов Рады, которые не принадлежали к самостийничкам. В числе этих был и известный уже нам Д. Скобцов.

Ген. Врангель, опираясь на помощь своих сторонников в Раде, решил добиться изменения Конституции Кубани в том смысле, как это было задумано заговорщиками еще 8-9 октября на совещании в Таганроге-Ростове. Поэтому «избранной Радой делегации ген. Врангель заявил о твердом своем решении «не оказывать послабления в отношении захваченных членов Рады».

Делегация Рады у Врангеля успеха не имела, зато приглашенные Покровским члены Рады вечером договорились с Врангелем на том, что на следующий день проведут через Раду те основные изменения, на которых настаивали русские.

«Всю ночь у меня на квартире занимались мы составлением проекта изменения Краевой конституции. Утромъ были привлечены к работе радянские юристы, а в дневном заседании Рады изменения были приняты», повествует Д. Е. Скобцов (там же, 256).

О сути этих изменений говорить здесь не будем, так как Рада приняла все то, чего добивались генералы. Ген. Врангель с полным правом мог в тот же день телеграфировать Деникину:

«Идя навстречу высказанным мною пожеланиям, Краевая Рада приняла закон об изменении Временного положения об управлении Кубанским краем, пойдя в этом отношении даже далее моих предположений. С своей стороны, удовлетворяя ходатайство Рады, обещал сохранение жизни преданным суду лицам. Екатеринодар, 8 ноября 1919 г. Нр. 168. Врангель».

Неправдою в этой телеграмме является утверждение Врангеля о том, что будто-бы, кроме Кулабухова, кто-то из арестованных 6-го ноября членов Рады был предан суду. Фактически их суду не предавали, но их головами торговали, добиваясь от Рады нужных для «белых» изменений в Конституции.

Выехавшая 7-го ноября к Деникину делегация Рады, была принята им на станции в Ростове. Глава этой делегации, Ф. Щербина, потом доложил в Раде: «Выслушав делегацию, ген. Деникин ответил: «То, что произошло по моим распоряжениям, — я сделал с болью в сердце, но этого требовали интересы армии. Нужно было открыть карты. Меры приняты мною не только на Кубани, но и в Киевской губернии»... («Приаз. Край», 13 ноября 1919 г.).

Этим самым Деникин сказал, что он одинаково жестоко расправляется, как с казачьими, так и с украинскими самостийниками...

Потом все шло, как по маслу. 9-го ноября Краевая Рада избрала своим председателем Д. Е. Скобцова, который сыграл в перевороте особенно выдающуюся роль.

Ген. Филимонов делал очень большие усилия, чтобы сохранить за собою пост Атамана. Однако, Деникин, Врангель и Покровский были против этого, и поэтому 10-го ноября Филимонов подал в отставку. Добровольческие генералы помогли Филимонову в 1918 г. незначительным большинством голосов пройти в Атаманы (см. ч. 2 «Тр. Каз.»), теперь они же и ссадили его. Все же Филимонов хотел показать кубанцам, что он уходит с поста Атамана по собственному желанию. С этой целью 10-го ноября он написал следующее:

«**Приказ по Кубанскому краю.** Нр. 56.. 10 ноября 1919 г. Екатеринодар.

«После двух с половиной лет тяжкого и ответственного служения Краю в условиях бурного времени гражданской войны, я счел себя вправе сложить возложенные на меня полномочия и возвратить атаманскую булаву хозяину Края — Кубанской Чрезвычайной Раде. Не раз до сего времени, изнемогая под бремнем лежащих на мне заданий, я стоял перед соблазном передачи тяжелого креста службы в другие, более крепкие и счастливые руки, но чувство долга и любовь к Краю удерживали меня от этого шага, который мог быть истолкован, как малодушие. И чем сложнее и опаснее было положение, тем менее считал я возможным оставлять свой пост.

«Ныне, когда кошмар большевицкого нашествия рассеялся, когда причина внутреннего разлада и недоразумений с корнем вырвана, туман, окутавший наши молодые представительные учреждения, как пелена с глаз, спал окончательно, настает время усиленной творческой работы, требуется привлечение новых свежих сил всего Края, становится уместным и своевременным уступить место другому и я это делаю. Расставаясь с горячо-любимым и кровно родным мне населением Края, я от всей души благодарю всех за честь и доверие, мне оказанные. Благодарю от всей души всех своих сотрудников по многосложной и ответственной работе. Я бы хотел, чтобы при оценке моей деятельности, никогда не забывали, что я призван был и работал в условиях небывалой смуты, при страшном пожаре гражданской войны. Не созидать, а спасать нужно было жизнь Края.

И Край спасен, он будет жить!

Да процветает же и да благоденствует под мощной сенью Великой, Единой и Нерушимой России наш благословенный Кубанский Край! Да здравствует славное его население и да не помянут Кубанцы лихом своего первого народного избранника. Войсковой Атаман, Генерал-Лейтенант Филимонов». («Вольная Кубань», 13-11-19).

11-го ноября Краевая Рада избрала ген. Успенского на пост Войскового Атамана. В первой своей речи он сказал, между прочим, следующее: ...«Благо России и Родной Кубани будет служить мне путеводной звездой. В тесном содружестве с Главным командованием Добровольческой армии, в самом тесном единении с нашими братьями Донцами, Терцами и остальными Казачьими Войсками я мыслю существование и будущность родной Кубани, как части Великой России». («У. Юга», 13 ноября 19 г.).

После этой речи представитель Ейского отдела предложил Раде избрать ген. Успенского почетным председателем Краевой Рады. Рада единогласно утвердила это предложение и ген. Успенский расположился за столом президиума.

12 ноября ген. Деникин издал следующий приказ:

«Твердо верю, что Кубанское казачество искренно осудило обманувших доверие и ведших Край к гибели. Не желая проливать лишней крови, приказываю помиловать арестованных членов Рады и заменить угрожающее по суду наказание высылкой за пределы России. Деникин».

После этого арестованные члены Рады были переданы в распоряжение Атамана Успенского и в действительности были его пленниками.

В это время положение Кавказской армии стало критическим. «Ген. Деникин беспокоился и приказал мне спешить возвращением в армию», пишет Врангель.

13 ноября Врангель приказал Покровскому:

«В виду того, что ныне положение в тылу армии, в связи с политическими событиями последних дней, надо признать вполне благополучным, что изменение Конституции Края и нахождение во главе Края ген. Успенского гарантирует твердую власть, благожелательную великому делу воссоздания Единой России и дает основание быть уверенным в принятии срочных мер по обеспечению армии, — я, согласно Вашего ходатайства, признаю возможным освободить Вас от возложенных обязанностей командующего войсками тыла армии. Ген.-Лейтенант Барон Врангель». (Записки, т. 1-й, стр. 242).

А что же Донцы и Терцы? Только 11-го ноября Большой Войсковой Круг принял постановление, в котором говорится, что с чувством глубокой скорби Войсковой Круг узнал о событиях, разыгравшихся на Кубани и об аресте членов Рады. Не входя совершенно в обсуждение пред'явленных арестованным обвинений, Войсковой Круг считает, что виновные должны быть судимы самими законодательными учреждениями в порядке, установленном принятыми ими наказами. Эта запоздалая резолюция была принята большинством всех против двух.

Если бы подобное постановление Донской Круг принял бы тогда, когда Кубанская делегация просила его о моральной поддержке, генералы не осмелились бы пойти на переворот на Кубани.

13 ноября прибыла на Кубань восьмичленная Делегация Большого Войскового Круга и выступила на Кубанской Раде. Из сказанного тогда Донцами на Раде отметим следующее:

Председатель Донской Делегации заявил, что основным стремлением Донцов является доведение до победного конца борьбы с большевиками в тесном единении с Добрармией и всеми казачьими областями... Для успеха в борьбе с врагом и скорейшего создания Единой, Великой и Свободной России должна быть создана единая власть, но с непременным сохранением казачьих вольностей. Для той же цели необходимо создание Юго-Восточного Союза всех казачьих областей. Для достижения соглашения, недостигнутого еще на Южно-русской конференции, Круг считает необходимым немедленный созыв совещания представителей парламентов Казачьих Областей... Последние события на Кубани вызвали глубокую скорбь на Кругу. Не входя в обсуждение существа вопроса, Круг считает, что члены Рады могут быть судимы только Кубанским судом. В связи с последними событиями врагами народа поведена кампания против всех Казачьих представительных учреждений и поэтому необходима дружная работа всего Казачества против своих врагов...

Другой представитель Круга, Горчуков, заявил: «Горе, постигшее Кубань, было с великой болью пережито и Кругом. Во избежание таких нежелательных событий, должен быть немедленно организован Казачий Союз». («Утро Юга», 14-11-19.).

20-го ноября 1919 г. в заседании Терского Б. В. Круга в г. Пятигорске с докладами о событиях на Кубани выступил член Круга Ткачев, который сказал в общем следующее: еще задолго до работ Южно-русской конференции на Кубани началось неладное. Об этом были осведомлены члены Конференции. «Я был представителем Войска и приветствовал Донской Круг», говорил Ткачев, «и тогда уже среди нас, терцев и донцов, шли переговоры о положении на Кубани, предпринимались шаги сгладить те течения, что шли в Раде. Тот самый Макаренко, который тормозил работу Южно-русской конференции, как оказалось, был избран председателем Рады. Для нас стало ясно, что пути наши и донцов на Южно-русской конференции должны повести к расхождению с Кубанью Ген. Баскаков посылал письмо Макаренке с предупреждением, что Терек найдет невозможными дальнейшие занятия конференции, что положение настолько остро, что конференция вынуждена будет продолжать работу без участия Кубани. Это письмо воздействия не имело. Я получил поручение передать кубанцам, **что они ни с нашей стороны, ни со стороны донцов поддержки не встретят.** У меня сложилось убеждение, что кубанские самостийники бряцают оружием. Все же я скажу, что кубанский казак, как был русским гражданином, так и остался им, происшедшие события не должны повлиять на наши отношения с кубанцами в массе, ибо масса эта не при чем, работала кучка». («Утро Юга», 26-11-19.).

В свете этого отношения Дона и Терека к Кубани в момент, когда производилось там страшное насилие, более рельефно выступает то трагическое одиночество самостийников Кубани, в котором они находились в дни натиска на Кубань «белых» сил. А между тем, достаточно было твердого протеста Донского и Терского Атаманов против изданного Деникиным приказа о предании военно-полевому суду членов Кубанской делегации, чтобы Деникин не посмел осуществить своих намерений.

Свои же кубанцы предавали или попустительствовали, казаки-соседи не поддержали, потому то и пережила Кубань страшную трагедию ноябрьского переворота... А от этого пострадало все Казачество, ибо в решительный период борьбы начала 1920 г. рядовая масса кубанских казаков не верила ни своим, замешанным в ноябрьских событиях, не верила уже и другим казакам, в тяжелые дни оставивших Кубань без своей поддержки...

(Продолжение следует)

КОАЛИЦИЯ ПРОТИВ СССР?

Одна из парижских газет так толкует смысл речи председателя совнаркома Молотова, сказанной им 10 января:

На этот раз председатель совнаркова вполнѣ подтвердил... соображения о существовании германо-польско-японской коалиции... Молотов утверждает, что Германия готовится к завоевательной войне против советской России. Он подчеркнул, что Япония до сих пор не ответила СССР на предложение о пакте ненападения... Это, повидимому, означает, что в Москве имеют точные данные о планах Японии и о существовании германо-японского соглашения. К тому же, такой сговор диктуется фактами. Можно только спорить о томъ, какъ начнется конфликт, будет ли первый удар нанесен Японией, Польшей или Германией. Но нет сомнения, что удар будет нанесен скоро.

Чужинец

Яицкое казачество и Пугачев

По новым историческим данным.

1. ПУГАЧЕВ НА ДОНУ, НА ТЕРЕКЕ И В ПЕРВЫЙ РАЗ НА ЯИКЕ.

Яицкое казачество жестоко поплатилось за свое восстание 1772-го года[1]). Но правительству пролитых потоков крови было недостаточно. На всех прикосновенных к восстанию было разложено 36,659 р. штрафа, на уплату за похищенное или уничтоженное имущество ген. фон-Траубенберга и старшин. Всего считалось ответчиков из 3.300 списочных казаков — 2800 чел., а на двор упало платежа от 3 до 45 руб. Эта «выть» оказалась весьма тяжкой для казаков.

Не прошло и трех месяцев после расправы с Яицкими казаками, как в те места заехал человек, которому суждено было сыграть видную роль не только в истории Яика, но и всей Империи Российской. Это был Пугачев, донской казак, станицы Зимовейской, казаками коей были и его отец, и его дед. О нем писано много, а за последние годы еще больше. Сперва его изображали, как «безвестного бродягу», потом народ возвеличил его в песнях, а русские революционеры-народники 70-х г.г. — в брошюрках. Наконец, в исторической литературе, изданной в СССР, были сделаны попытки сделать из него выразителя интересов старшины или представителя торгового капитала[2]).

Между тем, вся жизнь Пугачева, от начала до конца, была тесно связана с Казачеством: во имя и ради Казачества начал он свою громкую карьеру, казаками он был вознесен, пытался воссоздать казацкое устройство во всероссийском масштабе, казачья у него была психология, казачьи планы в удачные и неудачные минуты; казаками же он был и предан, казаки же конвоировали его и в Москву, но не на трон «императора», а на эшафот Болота (грязной московской площади).

Здесь мы выскажем предположение, которое многих удивит, ибо никому оно в голову не приходило, а данных для него накопилось достаточно: род Пугачева был — **украинский!** Дед его был «Донского же Войска Зимовейской же станицы казак Михайло, а прозвище было ему **Пугач**» (прозвище не русское, а украинское). Самую станицу звали то Азымейской, то «малороссийской (!) Зимовейской», что значит, что она была населена «озимейными» или «зимовыми», т. н. «малороссианами», т. е. выходцами с Украины, бурлаками. Последних принимали в казаки не сразу, а после нескольких лет службы с казаками, после 2-3-х походов. Ко времени Петра I-го образовалась целая станица таких казаков из «озимейных малороссиан», поселившихся особым городком на особом юрту. Эти казаки из украинцев быстро теряли свой национальный облик и язык. Оренбургский казак Чеботарев заметил, что «речь Пугачева сбивается на черкасскую» (так долго звали украинский язык на Руси), «однако-жь приметно, что берет осторожность»[3]), т. е. старается скрыть свой украинизм.

Что Пугачев **простой казак,** замечали все, кто к нему мог приблизиться.

Пугачев был простой казак. Он совершенно искренно отвечал на допросе в Тайной экспедиции, что «грамоте ни на каком языке ни читать, ни писать не умеет, и никогда не учился, потому что как он, так и отец его были простые казаки... Жил он в доме отца своего безотлучно до 17 лет, где кормился он, пахав сам свой казацкой участок земли, а в самом бывшем малолетстве боронил за отцом своим землю»...[4])

Миенский купец Трофимов, подписавший за Пугачева не мало бумаг, «узнал обстоятельно, что он данской казак, понеже разговор ево явно доказывает: употребляет он вопросительное слово: «откель ты», второе похвалительное «ладно», и весь разговор ево мерзителной, подлой, а благородного и ученого слова ни одного не слыхал; да и не можно в нем быть, понеже и грамоте не умеет...[5]) Прост он был и в пище: «велел принести толченого чесноку, глубокую тарелку и, налив в оный уксусу и посоля, ее ел», потом потребовал вторую тарелку «и ее сожрал-же»[6].

«В команде казацкого полковника Ильи Денисова (в пятисотном полку) Пугачев сделал всю прусскую кампанию при Елизавете и «с прочими своею братью, рядовыми-жь, как и он, казаками бывал против неприятеля на шермицах» (т. е. в схватках), но «однако-жь ничем не ранен». Был Пугачев и на русско-турецкой войне, под командой полк. Еф. Кутейникова, при взятии Бендер. Этот Кутейников и произвел Пугачева в хорунжие при отправлении на Дон сотенной команды (на поправку и за лошадьми).

Вот и вся принадлежность Пугачева к «старшине»: кратковременное исполнение должности хорунжего, даже и не в полку, а в сотне.

Тем не менее, Пугачев был казак до мозга костей и не только ясно представлял себе смысл борьбы донского казачества за его права, но и возвысился до мысли об общности положения и интересов казачества **всех** Войск в борьбе с петербургским централизмом. Когда его затея с «императорством» лопнула, он многократно выказывал свою гордость именем донского казака. Капитан Галахов, принимая Пугачева для отвода в Москву получил инструкцию не только кормить пленника «обыкновенною подлому[7]) человеку пищею», но и дать ему платье и обувь «употребляемые подлыми, а не знатными людьми»[8]). Это и было исполнено, но, по дороге к Москве, за Арзамасом, Пугачев потребовал, чтобы он был представлен Екатерине II «в приличном одеянии донского казака, а не так, как теперь одет»[9]).

Трудно отрицать напряженность его революционного чувства. Гвардии капитан-поручик Маврин, учинивший Пугачеву первый допрос 15 сент. 1774 г., доносит начальству: «Описать того невозможно сколь злодей бодрого духа», хотя и не именует себя уже Петром III[10]). И потом, по пути к Москве, много раз Пугачев говорит «дерзновенно», первому — гр. Панину в Симбирске: «Я не ворон, я — вороненок, а ворон-

---

[1]) 17 сент. 1772 г. были приговорены: к четвертованию — 12 чел., к повешению — 42 ч., к отсечению головы — 3 ч.; итого казнено смертию 57 ч. К наказанию плетьми — 55 чел. Бежало 55 чел., их имущество было конфисковано, а 316 ч. их детей — за грехи отцов — были наказаны плетью и разгами. Комендант Яицка и командир оккупационного российского отряда полк. Симонов выслал, сверх того, 140 ч. в Сибирь.

[2]) В своих скитаниях Пугачев иногда выдавал себя за купца.

[3]) «Пугачевщина», т. 2-й, 1929. с. 389. К XX-му веку в Зимовейской (Потемкинской) станице изгладилась всякая память об украинском происхождении. Миртов «Украинцы на Дону». 1930.

[4]) Допрос Пугачева в Москве в 1774-1775 г.г. «Красн. Архив», т. 69-70 (1935, кн. 2-3), 163 и сл. Дальше цитируется, как «Допрос» с указанием страницы.

[5]) Там-же, стр. 223.

[6]) Дубровин, т. 3, стр. 165.

[7]) Т. е. низкого звания.

[8]) Грот. Матер. для истор. пугач. бунта. 1875, стр. 101-102.

[9]) Зап. Руница, «Р. Ст.», 1870, т. 2. стр. 353.

[10]) Грот. «Матер.», 1875, стр. 70.

то еще летает»... Да и впоследствии не раз казачья и «бунтовская» дерзость у него прорывались.

Несомненно, с полной искренностью Пугачев, уже принимающий на себя имя покойного Петра III, говорил: «По всей России чернь бедная, терпит великие обиды и разорения, для нее-то хочу теперь показаться, и она вся ко мне пристанет»[11]). Рассчет этот оказался правильным, более того, именно присоединение «черни» в громадных районах Восточной России и придало и самому Пугачеву, и восстанию Яицких казаков 1773-1774 г.г. такое громадное значение. Но сам-то Пугачев и его яицкие советчики и руководители были все таки и до конца остались только **казачьими** деятелями, теоретиками и практиками, думали лишь о **казачьем** деле.

Что толкнуло Пугачева, **простого** казака, не старшину, на путь политической борьбы? — Это судьба Донского Казачества при Екатерине попытки исподволь разделить единое Войско на отдельные служилые полки с армейскими офицерами во главе, по назначению, на полки, управляемые независимо от Войска; это — судьба близких ему лиц, попавших в один из таких полков[12]).

Принудительный набор донцов для переселения под Азов и Таганрог справедливо показался казакам обращением в «регулярство» и, хотя организация полков была доведена до конца, начался ряд волнений в десятках станиц. Войсковой атаман Степан Ефремов поддержал казаков в их оппозиции. Дело кончилось в 1772 г. избиением имперского комиссара г.-м. Черепова (1 окт.), арестом Ефремова (9 ноября) и попыткой восстания Дона против Империи.

В 1771 г. лечившийся на Дону от ран Пугачев навестил в Таганроге, в тамошней крепости в казацком конном полку, зятя своего Симона Павлова (он-же Прусак), переведенного, за год перед тем, туда из Зимовейской станицы. Последний пожаловался: «Здесь жить трудно: во-первых заведены полковники, ротмистры, и совсем уже не так с казаками поступают, как на Дону; второе — лесу нет и ездят за лесом недели по две, и оттого ужь многие казаки бегут». И сам он хотел бежать: «коли-де в Русь, то з женою, а есть-ли без жены, то хоть в Сечь Запорожскую». Так говорил казак, не столь давно ставший донским казаком, и не так долго им бывший.

Пугачев ответил: «В Прусь не попадешь, а на Руси поймают, в Запорожье-же коли один пойдешь, то по жене стоскуешься, а приедешь за ней, так тебя схватают. И так, коли ужь бежать, так бежать на Терек, там наши семейные[13]) живут, а сверх того тамошнему атаману Павлу Михайловичу дан указ, чтоб таких тамо принимать». Решено было сообща с несколькими другими казаками Таганрогского полка бежать на Терек.

Таким образом, мы видим, что Пугачев по началу избрал простейший способ уклониться от возвращения в армию: побег. Он не принял участия в той агитации, которая шла по станицам в связи с нежеланием казачества, чтобы их обращали в «регулярство», не принял участия и в событиях 1772 г. на Дону. Пугачев оказал содействие в побеге зятю, — перевез его и товарищей через Дон, на нагайскую сторону, что было запрещено «под казнию». Беглецов вскоре поймали. Хотя Пугачев и уверял мать и жену, что он не убежит: «Статное-ли дело, чтобы он оставил отечество и поехал-бы на Терек»[14]), — однако, избегая наказания, он бежал на Терек, (о чем пытался ни словом не заикнуться при всех допросах 1744 года).

В декабре 1771 г. он появился среди «сказочных» казаков ст. Ищерской Терского Семейного Войска, переведенных в тамошние места на поселение, у «малороссианина» Харитона, оттуда явился в Дубовскую станицу к войсковому атаману Павлу Татаринову, с разрешения коего был принят в войско. Через 10 дней Пугачев уже стал станичным атаманом ст. Ищорской.

Войско страдало от самовластия Татаринова и жаждало тех привиллегий, которыми составлявшие его донцы пользовались до переселения на Астрахань. В короткий срок Пугачев об'единил вокруг себя «войсковую» партию: станичные атаманы и старики станиц Ищорской, Наурской и Каргалинской «заручились» избрать Пугачева войсковым атаманом (по желанию «сказочных» казаков) и послали его в Петербург, в Военную Коллегию с ходатайством о возобновлении прежних казачьих привиллегий и производстве жалованья «против коренных терских казаков».

Атаманская партия не дремала, и 9 февр. 1772 г., около г. Моздока, Пугачев был схвачен под предлогом, что он — «неведомо какой человек» и посажен в тюрьму, как «беглой с Дону служащей казак», а «заручная подписка» у него отобрана. Сам Пугачев через 5 дней (13 февраля 1772 г.), подговорив караульного, бежал из Моздока и навсегда покинул Терек, а «казаки, кои к выбору Пугачева в войсковые атаманы и о прошении... согласие имели, все, другие здесь (в Моздоке), а некоторые в станицах, в собрании нещадно батожьем наказаны»[15]).

Как мы видим, первое-же выступление Пугачева, как казачьего политического деятеля, увенчалось по началу блестящим успехом. Правда, Терское Семейное Войско было скорее служилым полком при Моздокской крепости (основанной в 1763 г.), подобно коренным гребенцам, которые в те времена составляли «Терско-Кизлярское Войско». В Войске было 24 старшины и 400 ч. «жалованных» казаков. Не будь Пугачев беглым, быть может, он бы и сумел победить партию атамана Татаринова и ее злоухищрения.

Вернувшись на Дон, Пугачев был арестован за побег и, по дороге в Черкасск, в Войсковую Канцелярию, бежал в Польшу, в раскольничьи монастыри; на обратном пути, на пограничном Добрянском форпосте, назвался польским уроженцем, раскольником, получил паспорт для житья на р. Иргизе, в дворцовой Малыковской волости. По его собственным словам, именно на Добрянском форпосте ему внушили мысль о самозванстве: бывший «гвардии гранодер» Семенов нашел в нем будто-бы, сходство с Петром III, а раскольник, купец Кожевников, согласившись с Пугачевым, что казаков (на Дону) «за крест и бороду всех гонят», сказаль «Это правда, што нам, староверам, везде гонение. Ваши (донские) казаки были многие и в Ветке, и в Стародубе есть. Да вот-де што была река Яик и та-де помутилась, так де ты возми на себя это имя, а тебя-де там примут»...

Очень простодушно звучит ответ Пугачева: «Хорошо, ну я приму, да с чем я туда пойду? У меня денег только двадцать алтын, да и теми надобно паспорт выкупить. Да пусть меня и на Яике примут, вить там хлеба не пашут, а казакам-та дают по двенадцати рублев жалованья, так что-жь, я им буду давать»?

---

[11]) Дубровин, т. 1, стр. 225.

[12]) При Азовской крепости (1695-1711) был Петром I-м организован полк служилых казаков. После Прутского мира и возвращения турками Азова полк прикомандировывали последовательно: к Таганжаменту (1711-1730), к крепости св. Анны (1730-1761), к крепости св. Дмитрия Ростовского (будущему г. Ростову) с 1761 года этот полк именовался Дмитриевским. По его образцу и подобию правительство решило создать в 1769 г. два новых полка при вновь организуемых крепостях — Азовской и Таганрогской, набравши казаков для них из «желающих» донцов (указ 27 авг. 1769 г.).

[13]) «Нашими» и «семейными» Пугачев называл казаков Терского Семейного Войска, образованного в 1736 г. из 452 семейств бывших донских казаков, которые добровольно переселились с Дону сперва на р. Астрахань, оттуда к крепости св. Креста, и, наконец, на левый берег р. Терека, образовавши здесь 3 городка: Дубовской, Бороздинский и Каргалинский. Связь их с Доном всегда поддерживалась. Каргалинского городка станичный атаман Максим Макаров был Пугачеву сродни.

[14]) Допрос, стр. 167.

[15]) О побеге из Таганрог. полка см.: «Допрос», с. 166-169; Пушкин. «Собр. соч.» (изд. Ефремова), т. 6-й, стр. 292. О пребывании П. на Тереке: «Чтения», 1848 г., № 1; «Русск. Стар.» 1883, т. 1, стр. 170 и др. (т. 37).

На что, будто-бы, Кожевников обещал, «как ево тамо примут», прислать 50.000 руб.

Туда-то, будто-бы, Пугачев, «думая, что его на Яике, как казаки все находятся в возмущении, конечно, примут... точное намерение итти на Яик и об'явить себя Петром III и принять»[16]).

По началу Пугачев, даже решаясь об'явить себя Петром III, совсем по казачьи, хотел искать для Яицких казаков «иную реку» и вывести их на Кубань: в этом и заключался смысл об'явления себя Императором Всероссийским! Позже оонаружилось, что под «куоанью» Пугачев разумел поселения на Таманском полуострове донских казаков, ушедших туда в 1688 и 1692 г.г, а-ссобенно тех, кто принял участие в великом исходе булавинцев с дона под командой Игнатия Некрасова. Словом, по этому плану, Яицкое Войско в полном составе своем должно было итти в центр тогдашней донской религиозно-политической эмиграции и попольнить ее ряды.

По тупи с Добрянки на Волгу, через северные станицы, донского Войска Пугачев останавливался всюду у раскольников, сообщал им о своем предприятии, собирал на него деньги, и добавил еще пункт к своей программе: вывести на Кубань и староверов. В Кубаньеи слободе он открылся крестьянину Коровке и казаку Луганской станицы Долотину, в Глазуновской станице — казаку Андрею Кузнецову. Последний сказал: «Хорошо, и коли казаки согласятся тебя принять, то и мы» (т. е. донские казаки-старообрядцы) «к тебе придем... Здесь есть казак Вершинин, который так-же с радостью пойдет со мной на Кубань». Пугачев повидал и Вершинина, казака Островской станицы.

На Волге Пугачев повторил свой план о самозванстве в Мечетной Слободе[17]) игумену раскольничьих монастырей на Иргизе Филарету. Тот ответил: «Нет, ты на покойного государя не похож. Я его знал. Однако-жь это хорошо. Яицкие казаки этому поверят, потому что ныне им худо жить, и все в побегах и они тебе будут рады. Только разве кто из них не знавал-ли покойного государя, но и это даром, они спорить не станут, только им покажись». У Филарета впервые услыхал Пугачев подробности об Яицких событиях 1772 г., а также о планах побега Яицких казаков в какую то Золотую Мечеть. На это Пугачев сказал: «Нет, лучьше бежать туда, куда бежал Некрасов».

Одновременно, узнал более точно от Филарета Пугачев и о самозванце Богомолове, выдававшем себя за Петра III, о котором он слыхал еще в ст. Глазуновской[18]).

Готовность донских казаков откликнуться на призыв самозванца в Царицыне весьма подбодрила Пугачева. Он сам знал кое-кого из донцов, готовых поддержать выступление казачества против дворянско-полицейского царства Екатерины II. Но он не мог вернуться на Дон, где его ждала тюрьма за уклонение от службы и, может быть, месть терских старшин за его выступление на Тереке. Яик сулил возможность успеха.

Пугачев поехал в Яицк под видом купца, едущего за рыбой. По дороге в глухом степном умете (постоялом дворе) Пугачев узнал, что Яицким казакам «худо, очень худо жить, старшины их обижают и они, убив атамана, бегают кое-где, их ловят, сажают в тюрьму; они было шарахнулись итти все в Астрабад, да не пустил их генерал».

И этому случайному собеседнику, и нескольким случайно встреченным Яицким казакам Пугачев, с обычной для него неконспиративностью, тотчас сообщил о своем намерении «привести (казаков) на Кубань, куда с Дона некарсовцы сошли»[19]).

Еще до приезда в Яицк Пугачев «открылся» и случайному спутнику из слоб. Малыковки, а в Яицке хозяину двора, где остановились, казаку Денису Пьянову. Последнему он сообщил не только о Кубани, но и обещал каждому казаку по 12 рублей, чтобы «подняться», а, в ответ на сомнение насчет «орд» по пути, пояснил: «Эта (турецкая) орда, которая здесь качуетъ, она нам рада будет»... Пьянов же был первый яицкий казак, которому он назвался Петром Ш. «Хорошие», т. е. державшиеся

---

[16]) Под конец Пугачев, в одном из последних показаний, заявил, что он напрасно оговорил и Кожевникова, и Семенова. «Допрос», стр. 225.

[17]) Впоследствии г. Николаевск, Самарской губ.

[18]) Крестьянин графа Ром. Воронцова Федот Богомолов 16 янв. 1772 г. записался добровольцем в одну из рот Московского Казачьего Легиона, набранных среди казаков Волжского Казачьего Войска, назвавшись сыномъ служилого донского казака Вешенской станицы Федотом Казиным. Туда-же в окт. 1771 г. поступил сын донского казака ст. Берцовской Спиридон Долотин. Достаточно было Богомолову («Казину») намекнуть, что он Петр Ш, а Долотин — «государственный секретарь», чтобы легионные казаки поверили. Довольно было одному офицеру обидеть казаков названием «бывших боярских», т. е. крепостных, как вспыхнуло восстание (30-го марта) трех рот Легиона, стоявших в Иловле: круг решил арестовать офицеров, провозгласить таинственного сослуживца императором и итти походом на Дубовскую станицу, центр Волжского Войска. Уже были оседланы кони, когда одному решительному офицеру удалось освободить арестованных — войск. старшину Полякова, ротмистра Персидского и др. офицеров, арестовать и самозванца, и «секретаря» и доставить их в Царицын. За три месяца содержания в тюрьме Богомолов вошел в сношения и с Яицкими казаками (их правительству обнаружить не удалось), и с Доном: в частности просил донского казака Семенникова «об'явить о нем в Войске Донском, чтобы собрали на Дону и освободили его из неволи... согласясь с Яицкими казаками». Семенников исполнил обещание и поехал по станицам: Пятиизбянской, Трех-Островской, Голубинской, Букановской. В Пятиизбянской станице поверили истинности «царя» и станичный атаман Максим Слепцов, и станичный писар Степан Певчий («малороссианин приписанный в семигривенный оклад Пятиизбянской станицы»).

25 июня 1772 г. в Царицыне, при сочувствии солдат и участии соборного протопопа, произошла попытка народного восстания. Повидимому, должны были прийти из Дубовки Волжские казаки. Одновременно Семенников пытался повернуть шедшую во 2-ю армию, на фронт, пятисотную команду (из казаков станиц Голубинской, Трех-Островянской и Пятиизбянской). Та готова была итти на Царицын, но требовала «письменного вида» (т. е. царского указа). Когда прошел слух, что их пошлют на житье на днепровскую линию, пятисотная команда, собравшаяся на р. Несвитай, разошлась по станицам. Войсковой старшина Чернозубов пытался арестовать в ст. Трех-Островянской Семенникова. Сторонники последнего, наоборот, хотели «посадить в воду» Чернозубова, станичного атамана Любинина, попа и «старика» Соловьева. На майдан явились «малолетки», потребовали участия в кругу. Атаману и Чернозубову пришлось спасаться.

21 июня прискакал из Черкасского войсковой старшина Амвросий Луковкин и с отрядом казаков с Царицынской Линии перехватал восставших с казаком Серединцевым во главе. «Заводчики дела» Ананий Еремеев и Семенников были отысканы лишь через год.

31 дек. 1772 г. были публично наказаны в Царицыне и сам Богомолов (бит кнутом, клеймен, вырваны ноздри и послан в Сибирь на вечную каторгу), его «секретарь», расстриженный протопоп Никифор, пятиизбянские станичный атаман (Слепов)) и писарь («малороссианин» Певчий) «старики» и малолетки. Казак Серединцов получил плети и Сибирь, а солдаты, допустившие общение «императора» с сочувствовавшими ему людьми, — по 12.000 шпицрутенов и ссылку в Тобольск. Богомолов умер по пути в Сибирь. Мордовцев «Самозванцы и понизовая вольница», т. 1. 1867, стр. 72-97.

[19]) Фирсов, «Пугачевщина», 1921, стр. 55.

народной, войсковой стороны «старики», которых оповестил Пьянов, просили Пугачева дождаться Рождества, когда на багренье «народ зберетца», и «буде народ согласитца, то мы его(т. е. Пугачева) примем, а буде-де народ не согласитца, так мы к этому делу не приступим».

Нельзя отказать Пьянову и «старикам» Черепанову, Коновалову и Антипову в некотором здравом скептицизме. Пугачев не мог дожидаться до Рождества, а вскоре по возвращении в сл. Малыковку спутник донес на него насчет Кубани и «орды». Тщетно уверял Пугачев, открывший подлинное имя, что он рассказывал лишь о побеге Некрасова за Кубань. В Малыковке его били жестоко батогами и скованного, в ручных и ножных кандалах, отослали сперва в Симбирск, а потом в Казань, где он пробыл в тюрьме с 4 янв. по 29 мая 1773 г.

Предварительная разведка на Яике обошлась Пугачеву дорого. Казанский генерал-губернатор фон-Брандт недооценил впрочем планы Пугачвеа насчет Кубани. 21 марта 1773 г. он писал в Сенат: «все это произошло от сущего ево (Пугачева) невежества... и оное больше презрения, нежели уважения достойно». Он не стал «входить в подробное исследование». 6 мая 1773 генерал-прокурор Вяземский послал Брандту указ, полученный в Казани лишь 1 июня: «Оному Пугачеву за побег заграницу и за утайку званий при возвращении, а «тем больше за говорение им... Пьянову... возмутительных вредных слов... учинить наказание плетьми и послать, как бродягу и привыкшего к праздной, продерзкой при том жизни, в гор. Пелым... в казенную работу»...

Но за три дня до этого, 29 мая, Пугачев из острога бежал, не без помощи раскольничьих связей своих. И в дальнейших странствиях его связи эти ему очень пригодились. Целью нового путешествия, хотя и весьма кружного, был все тот же Яик. Но идея ухода Войска «на другую реку» сменилась идеей нападения на Империю, низвержения императрицы, освобождения Казачества не только его силами, но и силами восставших крестьян и ревнителей «древлего благочестия».

Н. Алифанов

Мой уход с Дона

Дорогие станичники, вольные казаки!

Много я вынес с Дона впечатлений и дум оставшихся там казаков. Все попытки казаков к новому Разиновскому взмаху в период 1920-1930 г.г, попытки освободиться от красной Москвы окончились неудачей и заплачены дорогою ценою. Последний бой был, как по старым урокам, бой Верхнедонцов в 1930 г., в котором я был участником. Он был смят, ибо красный хам так окутал нас невидимой сетью — своими агентами, — что и хороший рыбак не опутает так сетью своего улова.

Станичники вольные казаки. Москва задалась целью стереть Казачество с карты России. Но это ей не удастся. Она этим заполнит только еще несколько страниц в истории казачьих страданий и казачьего героизма, ибо скоро и там, на развалинах врага встанет Черный Всадник, который во всеуслышание заявит: Мы — наследники земли, где покоятся тела благородных предков наших...

Но, не буду далеко отвлекаться от своего рассказа.

Тихий, безмолвный июльский вечер угасал, когда я выходил из кустов красноталого хвороста «Думской горы». Последние лучи догоравшего зарева скрывались за горизонт. Мертвая тишина клонила ко сну... Иногда нарушалась эта тишина свистом крыльев пролетающих диких уток, которые небрежно падали в воду расположенного под горой озера, чуть заросшего камышами...

Я вышел на луг, успевший уже покрыться росою, которая освежала воздух и давала жизненное питание всему растительному миру. И я, вдыхая полной грудью эту свежесть, стараюсь напитать себя ею на много лет. Хочу напитать себя дорогим и приятным родным воздухом, с которым я должен проститься не позже как через час...

Вооруженный до зубов, я двинулся на место, где в 12 часов дня имел свидание с братом и приказал ему чтобы он вынес мне уздечку и карчашку кислого молока, которую я с'ем в один миг, т. к. целый день не имел ничего с'естного.

Быстрыми шагами я направился к своему хутору, расположенному над рекой Чиром. Идя и вдыхая свежесть чистого воздуха, я невольно созерцал многотысячные звезды, которые, перемигиваясь своими серебристыми лучами, словно говорили друг другу: вот идет преступник, которого мы освещаем.

Я чувствовал, что за моей судьбой по пятам ходят чекисты и что они вот уже двое суток жаждут схватить меня, чтобы упиться моею кровью за то, что я желал многим многое. Я не сомневался, что они поступят со мною так, как с моим ближайшим соратником П. С., членом суда, судившего П. Подтелкова. Его схватили, истекавшего кровью от полученных им тяжелых ран.

Но судьба сулила мне другое.

Когда мне осталось идти до назначенного места всего несколько сот шагов, вдруг из-за горизонта показались черные лавы туч и быстро, как лава сомкнутого фронта кавалерии, покрыли светящийся купол над моей головой. Наступила темнота, в которой я даже сам себе стал совершенно невидим...

Когда я убедился в том, что пришел на место, о котором условился (всего в 60 шагах от моего собственного куреня), то сразу принялся за поиски еды. К моему несчастью, под мои ноги попала карчашка с молоком, которая и пострадала от моих ног. Я быстро схватил ее, но было поздно. Жалкие остатки черепков валились из моих рук и я с горечью в душе стал жадно облизывать их, покрытых еще тонким слоем молока. По окончании моей «пышной» трапезы, я стал искать главный предмет, о котором уже читатель знает и который для меня был еще более необходим. Мне нужна была уздечка, чтобы я мог сесть на первую лошадь, которую я мог поймать на пастбище, т. к. в мой план входило, что я должен сразу удалиться на большое расстояние от моего местопребывания в противоположную сторону, в сторону Михайловки. Этим я замел бы свои следы, к которым припадали агенты, приехавшие из райкома Морозовского.

Не успел я нарушить тишину, царившую в «орепьях», как послышался топот приближающихся к моей временной «резиденции» нескольких человек. Я быстро выхватил из-за пояса револьвер и достал кинжал, который был за голенищей. Находился я в месте довольно скрытном, а верхи орепьев равнялись с моим носом. Я думал, что если идущих судьба направила ко мне, то они меня все же не заметят до тех пор, пока не подойдут на удар кинжала. Я рассчитывал, что их не более трех, а может быть и двое. Поэтому я вполне был уверен, что в одну секунду двух сражу, а если есть и третий, то и тот должен быть моей жертвой, т. к. не успеет ориентироваться при внезапном нападении. Покидать свое место было неразумно, ибо можно было выдать себя, привлечь их внимание и самому пасть от пули. Но они не дошли до места, где стоял я. Не более, чем на удар пики от меня, они остановились и стали перешептываться. Из их шепота я понял, что по их предположениям я должен буду идти домой и они схватят меня. Я по-

пробовал поднести бинокль к глазам (он висел у меня на груди) и хотел убедиться в количестве их. Темная ночь, однако, не позволяла видеть больше в бинокль, чем без него. Кровь бурлит. Сердце стало чаще биться. Подумал — стрелять, но тут же понял, что навлеку беду на себя, а главное, на родных, которых могут сейчас же забрать и расстрелять... Решил стоять на месте и выжидать. Вдруг скрипнула дверь моего дома и при закрывании последней головка уздечки коснулась деревянного предмета. Звон удил долетел до меня. Еще больший прилив крови почувствовал я. Нервно, до крови кусал губы и не чувствовал боли. Кто-то подошел к моему брату, который не успел еще отойти от двери (это он хорошо сделал). Брат быстро ориентировался, когда его атаковали со всех сторон (их было три человека). Несмотря на их уверения, что он, брат, находится со мною в сношениях и знает где я, он мужественно заявил, что идет за лошадью на пастбище и хочет ехать в поле (хотя лошади и были все дома). Я стоял в шестидесяти шагах и наблюдал за ходом дела. Из долетавшего ко мне разговора я понял, что два незнакомца и третий наш «активист» твердили, что я где-то дома. Потом они бросились обыскивать двор. Делать мне было нечего и я быстро решаю свою задачу, тем паче, что они могли отрезать меня от удобного перехода через Чир. Через две минуты я уже был на другой стороне реки. Небо стало несколько освобождаться от черных туч, так что изредка мерцали уже огоньки звезд. Я направился скорым шагом в сторону хутора Б., где я хотел достать лошадь у моего приятеля, который уже знал о моей участи, знал о том, что угрожает мне. До хутора было 12 километров, но я так быстро шел, что не заметил, как прошел это расстояние. Своим появлением в такой поздний час (а было уже около полуночи) я озадачил своего приятеля. Я сказал ему, что мне нужна лошадь и что не позже, как через час я должен уехать, а лошадь брошу там, где укажет судьба. Моя просьба нисколько не смутила его. Он быстро оделся и мы вышли во двор, где паслись кони созданного здесь коллектива. Пастбище подходило как раз ко двору приятеля. Еще одна задача подлежала разрешению. Мне нужна была лошадь крепкая и выносливая, так, чтобы за 16-17 часов я мог сделать не менее 170 километров, т. е. добраться до станции Серебряково. Иными словами, на другой день к вечеру. Через несколько минут лошадь была приведена в назначенное место, где нужно было ее подседлать. Для седловки имелась всего лишь старая попона и налыгач. Конь был хотя и старый, но по внешней осанке можно заключить, что он принадлежит к верховым. Ему предстояло сделать большой переход.

Когда седловка была закончена и все осмотрено и найдено в порядке... я попросил моего приятеля дать мне что либо поесть, т. к. облизывание раздавленной ногами карчашки не могло утолить моего голода. Он вынес кусок хлеба и сала. Я с жадностью с'ел принесенное, показавшееся мне необычайно вкусным. На закуску он дал мне еще карчашку кислого молока.

Было половина первого ночи, когда я сел на коня, протянул приятелю руку и сказал, что он не только помогает мне вырваться из уз общих наших врагов, поработителей Казачества, но этим доказал и свою преданность казачьему делу. И мы с тайными в душе чувствами обнялись и троекратно поцеловались. Глотая слезы, мой приятель проговорил шепотом: **не забывайте там про нас...** Конь мягкой рысью вынес меня со двора и понес по дороге давно знакомой в степь, которая тянется на сорок верст до хутора Большого.

Глухая полночь встретила меня в широкой степи. Мой конь бежит крупной рысью, даже по временам переходит в галоп. Через некоторое время я увидел зарницу на востоке, которая предупреждала, что скоро рассвет. Изредка стали перестреливаться перепела. Я стараюсь возможно больше нажимать на коня, на которого положился душой и телом, уверовав в его неутомимость.

На востоке разливалось уже зарево. Запели жаворонки. Все они, казалось, радостно встречали меня, когда я крупной рысью ехал по дороге, влажной от утренней росы. И эти последние приятные для меня степные песни были последним прощанием родной степи, к которой я привык с юных лет... Чуть высунувшееся из-за горизонта солнце осветило мой в'езд в хут. Большой, где бабы с длинными палками уже гнали коров на прогон, через который я ехал, и украдкой зырили на меня, после чего перекидывались словами, из чего я заключил, что седловка моего коня произвела на них свое впечатление.

Проехав хутор, я снова направился в широкую степь, которая тянулась вплоть до ст. Усть-Медведицкой. Солнце уже успело отделиться от горизонта. Я старался подшенкеливать своего Бедуина, как прозвал я мысленно своего коня, но он уже дает знать, что он не против того, чтобы сделать хотя маленькую передышку, которая, несомненно, по числу пройденных верст ему полагалась. Я так и сделал. Остановил коня среди широкого раздолья, с которым, знал, скоро расстанусь, я пустил его на траву. Сам же лег на мягкую траву и закинув руки за голову, стал перечислять в памяти все то, что было несколько часов назад. Заветная мечта не покидала меня и подталкивала на далекий неизвестный путь... Солнце уже начало пригревать. Оно так весело смотрело на меня, что мне казалось — и оно посылает мне свое последнее прощание. Я взял коня, на котором еще не успел обсохнуть пот, и быстрой рысью помчался к ст. Усть-Медведицкой.

Когда я стал под'езжать к станице, меня встревожило то, что вид мой может обратить внимание агентов ГПУ... Не доезжая до станицы, я свернул, поэтому, влево на тропову дорогу, которая извилистой змейкой тянулась к Дону. Когда я под'ехал к Дону, припомнилось мне недавнее прошлое, когда я в 19 году под станицей Казанской неоднократно переплывал реку, с целью добыть сведения о противнике. Тогда я еще юношей служил в 3-ем Сводно-казачьем полку...

Дабы замазать следы моего далекого путешествия, я выкупал своего коня и в поводу повел его вдоль берега мимо монастыря. Невольно остановился я, глядя на кучу развалин, оставшихся от некогда чудной святыни женского монастыря. Сиротливо смотрели ободранные стены и разрушенные крыши. Особенно жалкое впечатление производила соборная церковь. Вокруг нея когда то были цветники чудных цветов, ныне она стоит полуразрушенная с выбитыми стеклами. Лишь оставшиеся оконные решетки мрачно смотрели на меня. Сердце сжалось от гнева за поруганную святыню, не раз утешавшую православное Казачество в его скорбях... Значит, Волей Всевышнего нам послано такое испытание, какого не имел ни один народ от века. За грехи чужие нам пришлось платить десятками тысяч своих славных сынов, павших на полях битвы... Я опустил голову. Мысли, мысли мщения наполняли ее.

В поводу повел я коня в сторону станицы, которая была совсем близко. Иду в станице по Платовской улице (ныне Пролетарская) со своим спутником, стараюсь делать вид, что я здешний и что веду коня с пастбища, держу подстилку под рукой. Иду по улице непринужденно, как могу, не обращая внимания на то, что встречные люди рассматривают меня, а заигрываю и разговариваю с конем. Так я добрел до знакомой калитки. Тут проживала моя тетка. Она встретила меня радостно, но озабоченно и не могла понять такого раннего визита. Я сказал, что так надо. Тетя сразу поняла все. Поставив коня в хлев, я направился на балкон, где и хотел присесть, но тетя позвала меня в комнату и просила об'яснить ей подробности. Кратко я об'яснил ей, что попытка наша потерпела неудачу. Тетя подтвердила, что к ним доходят слухи, что у Верхнедонцов повторяется 1919 год, на что возлагают надежды и они.

Когда тетя поняла все, что я ей рассказывал, она предложила мне отслужить напутственный молебен. Согласился я и пошел в маленькую церковку, которая еще каким то чудом уцелела...

После службы пришли домой, где уже стараниями моей двоюродной сестры был накрыт стол. Во время обеда тетя все время давала мне наставления и все мне твердила, чтобы я всегда оставался казаком, чтобы помнил казачьи идеалы, а также помнил бы и то, что идеалы эти находятся в оковах красных палачей.

Окончив обед, я оседлал своего коня тем самым седлом, о котором уже знает читатель, и двинулся дальше. Переезжая через Дон, я с грустью смотрел и восхищался тихо катящимися волнами в отлогих берегах. Было уже за полдень. Я подшевеливал своего коня, который бодро шел, как бы понимая, что мне надо спешить. Задонские пески все же не позволяли развить нужного аллюра. Когда я в'езжал в станицу Александровскую, молодая казачка с полным ведром воды перешла мне дорогу. Видя, что я обратил на это внимание, она улыбнулась. В ответ улыбнулся и я. Тут я вспомнил свое детство, вспомнил отца, который всегда говорил, что если идешь на охоту и с полными ведрами перейдет дорогу женщина, то будет полная удача, а если с пустыми, то лучше вернуться назад...

Благополучно проехал я и станицу Глазуновскую. После началась слобода Михайловская, которая своими разбросанными хатенками тянулась до самой железнодорожной станции. Я нажимал на коня, но он и сам, видимо чувствуя близость привала, старается и бодрой рысью несет меня к цели, хотя положение ушей говорит за то, что он уже тоже устал.

Большой огненный шар на западе начинает целовать землю... Встречные женщины «хохлушки», гоня домой коров, внимательно осматривали меня. Вид седловки моего коня особенно обращал их внимание, да и я после такого длинного пути сидел уже только одной половиной... Но вот до моего слуха донесся свисток паровоза, как бы призывая меня спешить. Бедуин мой напрягает последние силы, но я, не доезжая полукилометра до станции, решаюсь оставить коня, чтобы не привлекать ни чьего внимания к себе. Привязав коня за одной хатой и похлопав его в знак благодарности за службу, я старался непринужденно и не совсем быстро идти на станцию, похлопывая палочкой себя по голенищу. Спускавшиеся сумерки прикрывали меня от любопытных взглядов.

Вот и станция, бедно освещенная несколькими электрическими лампочками. Вхожу в зал 3-го класса. Людей не много, но все как то впились в меня глазами. Или мне это так только показалось... Я обвожу глазами зал и нахожу, что нужно козырнуть последним козырем. Заказываю бутылку кавказского вина и полагаемое количество закуски. Выпиваю пол стакана и, как бы между прочим, спрашиваю близь стоящего товарища о времени отхода поезда на Самару. От него получил все нужные сведения. Поезд отходил через некоторое время. Меня это устраивало. Тот же «товарищ» навел мне справку в кассе о времени продажи билетов и от него я узнал, что билет нужно покупать сейчас. Убедившись, что мой осведомитель принадлежит к тем голодным людям, которых теперь в советском раю полно, я поручил ему купить мне билет до станции Полторацк (некогда Асхабад). Через две минуты я уже имел билет, дав на могарыч услужливому «товарищу» пол червонца. С застенчивой улыбкой поблагодарил он меня и направился к буфету, где его поджидали собутыльники...

Настало время посадки в поезд, о чем возвестил железнодорожный служащий. Непринужденной походкой иду к хвосту поезда. В вагоне занимаю самое неудобное место, на самой верхней полке, чтобы меньше общаться с серой массой пассажиров, которая то и дело изрекает «божественные» трех-этажные слова.

После третьего звонка поезд медленно трогается, отбивая такт на стыках рельс.

(Окончание следует)

Свидетельство врага

(Продолжение)

В двух прошлых номерах нашего журнала (10 декабря и 10 января) мы дали ряд выдержек из первой части книги Ставского «Кубанские записи». Сейчас переходим ко второй части той же книги — «На гребне».

Как мы уже говорили, действие первой части происходило в станице Васюринской. Действие второй части развертывается «вообще в станице». Здесь и правый берег Кубани, и Кирпили, и Казачий Ерик. В некоторых местах этой второй части проглядывает связь действующих лиц с действующими лицами первой части той же книги. Фамилии также делятся на две категории — казачьи и не казачьи — и не случайно.

Переходим к дальнейшим выдержкам.

...«Стоят в садах по берегу белые казачьи хаты, отражаясь в тихой воде Ерика с еще большей красой. На воде, спрокидываясь задками, ныряют утки, щелочат тину. Поодаль гордо плывут белые гуси.

Петрусь тихонько проходит по шаткому скрипучему настилу перехода.

Вот и сад Рябоконя — огромный, первый на всю станицу сад. Полвека назад вышли старые Рябкони сюда к воде, — тогда только-только расселялась станица. Захватили не малый план — на отлете. Отсюда и пошло прозвище их краю — Прицепиловка.

И какой же сад вырос на привольи. В этом саду — и бергамот, и зимовка, и яблоки, и абрикосы. На том вон углу растут японские сливы, в кулак каждая, а цветом рыжие, как заря... Только у старого чорта не поесть фруктов...

Петрусь осторожно перелезает через забор... Огромные и свирепые, серые, как волки, псы узнают его, виляют хвостами.

Правее амбара — кучи битого кирпича, щебня. Тут стоял под цинковой крышей огромный каменный дом. Рябконь продал его летом на слом, мстя большевикам...

....

По улице важно шагают в церковь нарядные станичники в чекменях, в начищенных сапогах. Шуршат юбки казачек, плотные большие шали тяжело спадают с их плеч. В бережных руках старух желтеют восковые свечи.

— Ишь, пошли до попов, куркули проклятые. А кто зараз жилу себе срывает!.. — с ненавистью шепчет Петрусь и даже останавливается от внезапной мысли: «Треба всех батраков сразу в колхозы перетянуть».

Сахно провожает ребят тяжелым, ненавидящим взором.

— Живуща порода на нашу голову, — вполголоса говорит Сергей Писанка. Широкое лицо его сверкнуло острыми зубами. — **Долго ли будем терпеть?***)

...Сахно исподлобья ревниво и выжидающе глядит на Микиту Лихопята...

— **Коли ж прийдуть наші?** — свистящим шопотом выдыхает Писанка.

Микита Лихопят круто поворачивается и, не оглядываясь, уходит.

«Струсил, бисова душа?» — злорадствует Сахно...

....

И только отойдя за скобяную лавку сельхозтоварищества, облегченно вздыхает Сахно. И вздрагивает: на плечо легла тяжелая рука.

— Томишься, Иван? — спрашивает Дубина Тимофей.

— Я, дядьку...

---

*) Подчеркнуто везде нами. Ред.

— Чую! — мягко отзывается тот: — **Крепись, козаче!**

Дубина стоит высокий и могучий. Крутыми складками собрались на широком лбу морщины, но серые глубокие глаза ободряют и успокаивают Ивана.

Изменяя самому себе, в порыве внезапного доверия, Сахно шепчет:

— **Невже ж покою не буде?**

Дубина уводит его в сторону.

— Не то, братику, было — и прошло. Были большевики в восемнадцатом году — нема, белые были — нема. Повесили они батьку Кулабухова, убили Миколу Рябовола, разогнали нашу Раду, повыслали атаманов и батьков — и самих зараз нема. **И коммунистов так же не буде.**

— Когда?

— **Крепись! Не падать духом, браты!..**

Из-за угла выскакивает всадник. Твердой рукой осаживает у крыльца золотисто-рыжую, потемневшую от пота, текинскую кобылицу.

— Ковган! — Рева хмурится, косо поглядывая на небольшого крепыша, соскользнувшего с казачьего, выложенного серебром, седла.

Ковган, не выпуская из рук повода, одергивает синий чекмень. Сверкнул золотой позумент, перекрестивший алый верх черной кубанки...

— Здоров, Алешка!

Рева и дед Ильенко молчат. На синем выбритом лице Ковгана сердито заиграли мускулы.

— Говорить уже не хочешь? — хрипло спрашивает он. — С партизаном говорить не хочешь? Начальством стал?

Ковган заученно широким жестом срывает кубанку, смуглое лицо его словно вспыхивает изумлением, — вечную печать того изумления положил белый рубец через весь лоб наискосок от шкуровской шашки.

— Говорено-переговорено и в протокол записано, Ковган, — медленно и строго говорит Рева. Сердце его щемит от сложного чувства вражды и какой-то любовной жалости.

Вместе с Ковганом партизанил под рукою Жлобы Алексей Рева. Кущевка, Краснодар, Невинка и поход по белым тылам под тогдашний Царицын...

— Не будет по-вашему, Алешка!.. — хрипит Ковган, выхлестывая нагайкой дробь по сверкающему голенищу сапога. — Не за тем я советскую власть добывал!..

Петрусь и Микола, издалека услышавшие Ковгана, бегут к крыльцу со всех ног. Позавчера новый президиум совета вынес решение дать твердое задание по хлебу, по займу и вообще вписать в кулацкий ряд Семена Ковгана, бывшего командира взвода стальной Жлобинской дивизии. Отказался Ковган от колхоза, отказался от супряг...

— А мы нашу власть для того добывали? — обрывает Ковгана дед Ильенко. — Мы за нее кровь проливали, чтобы новые куркули вывелись?..

... — Как дальше будешь? — спрашивали Микиту однополчане.

Микита (Лихопят) улыбался трегубым ртом.

— Косой у меня был взгляд на советскую власть, а она самая власть трудящая!

Отворачивались казаки:

— **Побачимо!**

С головой влез в хозяйство Лихопят. Выпросил лошадей, буккер, семян у родичей, но хоть и поздновато, но засеял свой пай.

А потом его в станице и не видели. В праздник ночью придет, ночью же и уйдет на степь в курень.

Туда к нему и заходили посланцы от самого Василия Рябконя, староджерлиевского хорунжего. От улагаевского десанта остался Рябконь, собрал под свою руку банду на Кара-Кубани. Выскакивал он из камышей — по станицам и хуторам полыхали пожарища, стлался дым...

Алексей кладет острые локти на стол и, наклоняя голову, замечает бумажку у двери на полу.

«Чего это я обронил?..»

Рева поднимает бумажку, свернутую, как порошок с лекарством. Раскрывает:

— «Письмо в комнячейку.

Первому привет секретарю Олексе Реве будет тебе наша казацька пшеница и добро помни как забирать мы тебе падло если поймаем то мы тебя разстреляем как собаку все равно живому не быть все равно будешь убит в окно мы вам сделаем хлебозаготовку на ваших головах буде вам и серебро как ходить по хатам шукать мы вас спомним».

Желтые скулы Алексея становятся еще угловатее и острее. Вспотевшая рука комкает записку...

...Чепуха получается по Кубанской-то земле. Суть в том, что сейчас вокруг хлеба и вокруг колхозов вся борьба кипит.

— Это и я на своей шкуре испытал.

— «Испытал!» — перебивает Буков (вновь не нравится ему торопливость Абрамова). — Ты пойми, голова, что если мы развернули социалистическое наступление, то враг тоже перешел в контратаку. А у нас в округе это еще не все поняли. «Сломить кулацкое сопротивление, сокрушительно ударить по кулаку!» — передразнивает он кого-то. — Ну, прямо акафист церковный! Надо в лоб сказать — ввязались в бой, и враг развертывает контратаку. И тут опасность та, что **за врагом стоят огромные страшные силы — вековечные привычки.** Это еще Ленин сказал...

— А как же...

— Подожди-ка ты. Я хочу сказать: классовая борьба — это не война; вот тебе фронт, тут мы, тут они. Классовая борьба — она везде. Нет такой области, где бы она не велась.

— Какая битва была в станице Старо-Корсунской! — вспоминает Абрамов... Там красный партизан Саломаха зашел с извещением к какому-то Крюкову. Чорт его знает, как этот Крюков попал в комсод. Саломаха думал задание получить, заходит — дым коромыслом. От самогона не продохнешь. «Садись, Саломаха, пей». — «Нет, не буду». — «Пей, гад!» — кричит Крюков. — Какой же ты активист?» Тот выпил стакан. Тут на него и навалились все: бьют, калечат, кричат: «Поймался на крюк. Знай, как в доски стучат станичникам...» Еле милиция отбила. А ведь до моего приезда никого дже под суд не отдали, — пьяное, говорят, взаимное дело.

Абрамов раскраснелся. Огромны казачьи станицы в две тысячи и больше дворов. Как сравнить их с какой нибудь московской или тверской россыпью деревушек по десятку избенок? **Непонятны они Абрамову — эти кубанские станицы с их особым казачьим укладом,** с сословной (! Ред.) рознью между казачьим и иногородним населением, с мощным пластом — как нигде в стране — кулачества...

...Абрамов (окружной инспектор) прибавляет шагу. Глаза быстро и внимательно обшаривают широкие улицы...

Станица проснулась. Во дворах разгорается в глиняных летних печурках огонь, из труб вымахивает пламя, бьет дым. Тоненько и длинно скрипят, кланяясь, журавли колодцев. Казачки, повязанные белыми платками, покрасневшими от утреннего холодка руками тянут книзу, до воды, шесты. Казаки чистят лошадей. Псы рычат из-за заборов.

Казаки и казачки поглядывают на идущих вскользь и отчужденно.

— Ф-фу, чорт побери! — выдыхает Абрамов и идет к Стешке. — Ну, как, сестра, поедем в степь?

— **Какая я тебе сестра?** — взвизгивает та...

...Народный дом — огромное деревянное здание с фойе и залом человек на шестьсот. Плотный темно-серый занавес отдернут. На сцене накрытый алой материей стол президиума.

Абрамов вспоминает тесные избы-читальни центра России и ловит себя на каком-то пренебрежении к тем местам, на **кубанском горделивом патриотизме.**

В каждой станице — такой же по размерам народный дом. Кроме того, непременно изба-читальня, а то и две — в бывших кулацких домах. **Во многих станицах свои электростанции, по десятку школ — не только первой, но и второй ступени.**

«А все-таки власть отмирает! — вновь вспыхивает мысль. — **И наша Кубань впереди всех!»**

Гонялись чоновцы и милиция за неуловимой бандой Василия Рябоконя на Кара-Кубани в камышах. Гудело по станице:

— **Ось прийдут наші!...**

Появляется Семен в станице, привозил мешки диких гусей, уток, раз кабанчика привез. Под новый год вернулся с пулей в ляжке. Пулю вырезали, нога зажила.

На причитанья жены Семен отрубил:

— Хватит! С весны землю возьму!

К весне двадцать второго года решили землю поделить на всех: и на казаков и на иногородних — по душам.

Вывалила станица на улицы. В куче партизан и бедноты пошел головным Семен Ковган, нацепив шашку и наган.

— Сам станицу повырубаю, а землю по-советски разделим!

Поделили землю по жеребьям. Досталась Ковгану с женой земля в конце юрта. Другие безлошадные поотдавали свои паи мощным казакам из трети урожая. У Ковгана никто земли брать не захотел.

Яков Рябконь, мигая зеленоватыми глазами, встретил Семена на базаре:

— Иди до мене, братику. Заробишь, сам хозяйновать будешь.

Еле успел Семен мотнуть головой в сторону, спрятать наскочившую слезу. Вечером, нажравшись самогону, вломился он в совет, изорвал ордер на землю, избил дежурного и сам был избит, ночевал в каталажке. Ночью, вскакивая, вопил:

— **Обманула советская власть.** Когда воевал — после войны учиться обещали послать. А що вышло? **За що, братцы, боролись?...**

Утром, по пути в совет, перенял его (Лихопята) Дубина Тимофей. Выщупывал, взяв накрепко под руку:

— Слыхал, Микита? Державы собираются большевиков воевать. **Мабуть тоди и наши прийдуть.**

— Не чув! — оцепенев, еле вымолвил Микита.

— А що ты до мене не зайдешь? Ты же казак, а от казаков — як чорт от свечки!

— Я на степу...

— Дивись, думай, козаче! — обрезал Дубина.

Тяжко вздыхает Лихопят. «Що ж його робить?»...

Еще утром в станице, уклоняясь от ответа Дубине, считал Микита Лихопят себя казаком.

Не писаный нигде, держится в станице у старых казаков закон: **между себя хоть в шашки сходись, но чтобы до совета ничего не доходило...**

Сейчас... Микита знает: нарушена связь, сломана дружба. Угрозой повернется к нему старая казачья станица....

(Продолжение следует)

Казачья эмиграция

В. К. во Франции

ПОХОДНЫЙ АТАМАН В. К. В РОМБА-КНЮТАНЖ.

18-го января с. г. В. К. имени генерала Т. М. Старикова хутор в Ромба, имел честь принять и приветствовать у себя Походного Атамана В. К. инженера **И. А. Билого.**

Для встречи Походного Атамана помощник хуторского атамана и хуторской писарь были отправлены в город Мец, куда в 13 часов и 13 минут из Парижа, скорым поездом, должен был прибыть Походный Атаман, с тем, чтобы побывать в Ромба, а на следующий день, 19-го января, в Кнютанже.

С большим волнением встретили посланные на вокзале своего Атамана. Представившись и поздоровавшись с Атаманом, хуторяне предложили ему пройти по городу, так как до отхода автобуса было еще полчаса времени.

Без 5 минут в 2 часа автобус тронулся в Ромба везя на хутор дорогого гостя.

В Ромба Походный Атаман был встречен атаманом хутора и на автомобиле доставлен на квартиру хуторского атамана, где был приготовлен обед.

Присутствующие на обеде задавали Атаману массу вопросов, благодаря чему обед затянулся надолго. Наконец, хуторской атаман предложил хуторянам дать возможность отдохнуть гостю с дороги; а в 7 часов вечера в соседнем кафэ приготовлялся банкет в честь приезда Походного Атамана. Недолгим был отдых Атамана. Не успел он остаться наедине, как из Кнютанжа приехал на автомобиле атаман Лотарингской об'единенной казачьей станицы **А. С. Ивашков** (вольный казак по убеждению, хотя и не состоящий еще в рядах В. К.) и, не взирая ни на какие доводы, требовал доложить Атаману.

Походный Атаман очень любезно принял А. С. Ивашкова. Побеседовав несколько минут и условившись о часе приезда Атамана в Кнютанж, атаман Ивашков уехал, так как ему предстояла ночная работа.

В 7 часов вечера, в отдельном зале соседнего кафэ, украшенном: национальными флагами, гербом Казачества, портретами: Походного Атамана В. К., шефа хутора, покойного генерала **Т. М. Старикова, А. И. Кулабухова** и **К. Л. Бардижа,** собрались хуторяне и приглашенные гости, чтобы достойным образом чествовать своего гостя.

С напряженным вниманием ожидали собравшиеся появления Атамана.

Встать!!! Атаман идет!!! раздалась команда, и в раскрытую дверь в сопровождении хуторского правления вошле Походный Атаман, которого встретили с хлебом-солю старейший казак (член хутора) при двух ассистентах.

Приняв хлеб-соль и подав всем присутствующим руку, Атаман занял за столом свое место.

Первый тост предложил хуторской атаман за здоровье Походного Атамана ВК, об'ясняя присутствующим заслуги его перед Казачеством; хуторской атаман призывал членов хутора твердо стоять на Вольно-Казачьем пути, верить своему Атаману и свято выполнять свой долг перед Родиной.

Выражая глубокую уверенность, что Походный Атаман, учтя момент, призовет в свое время вольных казаков выполнить свой священный долг, хуторской атаман закончил свое приветственное слово, прося Всевышнего и Пресвятую Богородицу послать сил и здоровья Походному Атаману ВК для завершения начатого им великого дела. Слава Атаману!

— Слава! Слава! Слава!.. был дружный ответ.

Очень тепло ответил Атаман на приветствие, выражая уверенность в том, что осознавшее себя национально Казачество, поможет ему довести начатое дело до конца, выполняя свой долг перед своей казачьей Родиной.

Пожелав хутору успешной работы на благо Казачества в дальнейшем, Атаман поднял свой бокал за здоровье присутствующих, а в лице их и за всех вольных казаков.

Много тостов произносилось в этот вечер: за Казачество, за стойких борцов за казачью долю и волю, за успех ВК движения, и т. д., и т. д. Наконец,

изрядно утомив Атамана, развеселившиеся казаки затянули и песни. В первую очередь пропели Казачьи гимны, а затем полилась казачья песня, то бесшабашно веселая, то безконечно грустная. Появились: гитара, балалайка и мандолина. Казачок сменялся лезгинкой, лезгинка вальсом, вальс полькой, полька опять казачком и т. д., и т. д. Один из казаков рассказал несколько забавных случаев из жизни на украинском языке...

За полночь затянулось веселе. Настала пора расходиться, но никто из присутствующих и не думал подниматься с места. Наконец, хуторской атаман об'явил, что пора расходиться, ибо на утро предстояла поездка в Кнютанж — нужно и отдохнуть.

Общей гурьбой вышли на улицу. Проводив Атамана на покой, долго еще шумели казаки на улице и в квартире хуторского атамана, делясь впечатлениями проведенного вечера.

Выражалась досада, что так скоро пролетают радостные минуты: «Вот еще завтра, а там Атаман уедет и, кто знает, когда еще раз мы его увидим!» Наконец, разошлись. И долго еще по пустынным ночным улицам слышен был возбужденный говор, расходящихся по домам казаков.

На утро 19-го января в 8 ч. утра на квартире хуторского атамана вновь стали собираться хуторяне. Проснулся и Походный Атаман. Подкрепились на дорогу, в 10 часов тронулись в Кнютанж.

В 11 часов, на квартире станичного атамана А. С. Ивашкова, Походный Атаман и сопровождавшие его казаки, были очень радушно встречены хозяевами и собравшимися гостями.

В 1 час дня был назначен сбор, на котором Походный Атаман делал доклад на тему:

«Идея Вольного Казачества и ее предпосылки в истории Казачества», и так как времени было немного, супруга атамана предложила обед.

Как и вчера в Ромба, так и сегодня в Кнютанже: приветствия, тосты, вопросы.

Наступил час сбора, а из за стола не хотелось еще вставать. Каждому хотелось задать вопрос, спросить, о том, что его больше всего тревожит и интересует; и все получали исчерпывающие, удовлетворяющие ответы. А в это время не далеко в ресторане, в отдельном зале, собрались казаки, не состоящие в рядах ВК, желающие послушать Походного Атамана и с нетерпением ожидавшие начала доклада.

Открыв сбор, станичный атаман **А. С. Ивашков** предоставил слово докладчику.

С весьма напряженным вниманием слушала аудитория каждое слово Походного Атамана.

Уверенно, опираясь на исторические факты, говорил Атаман о прошлом Казачества, о том, как Казачество было постепенно закрепощено Москвой; о недавнем государственном строительстве и проигранной борьбе; об ошибках, наделанных Казачеством в недавнем прошлом; о том, что мы не имеем права повторять этих ошибок и делать новые; о том, что в будущую освободительную войну, Казачество должно иметь точную и ясную перед собою цель и к этой цели идти неуклонно, и что эту цель Вольное Казачество себе уже поставило. Бурными аплодисментами были покрыты последние слова Атамана. Закончив доклад кратким изложением программы казачьего национально - освободительного движения, Атаман предложил желающим задавать ему интересующие их вопросы.

Первым просил слова некто Алексеев. Известен он тем, что добивается от графа Граббе назначения на должность «окружного атамана» Лотарингии; именует себя полковником. Вместо того, чтобы задавать вопросы, он стал говорить о казачьей традиции выбора Атамана, о выборе графа Граббе Донским Атаманом и, наконец, заговорил об об'единении около Граббе. Председательствующий, станичный атаман Ивашков прекратил красноречие оратора словами: господин Алексеев, вы просили слово, задать вопрос, а вопроса мы до сих пор еще не слыхали. Извольте спрашивать, позвольте узнать, какие имеете вопросы.

Возмущенный «окружной атаман» поинтересовался, наконец, вопросом о происхождении «казачьего сословия». Получив ответ, он снова начал разглагольствовать без ладу и складу, противореча сам себе, нападая на председателя больше, чем на докладчика. Атаман Ивашков должен был, в конце концов, лишить его слова, носившего явно обструкционный характер.

Выступление г. Алексеева «суфлировалось» одним русским, сидевшим с ним рядом, и «одобрялось» единственным казаком «младороссом»...

Следующим выступил казак младоросс Кадыков; задав несколько вопросов и получив на них ответы, Кадыков «успокоился».

Дальше получает слово один из присутствующих украинцев и, обращаясь к Походному Атаману, говорит на украинском языке. Приветствуя идею ВК и выражая надежду на то, что, преследуя одну и ту же цель, Украина и Казачество подадут друг другу руку помощи и совместными усилиями исправят свои прошлые ошибки и добьются свободы. «В своїй хаті — своя воля!».

На этом сбор закончился. «Оппонентов» попросили оставить помещение, а оставшиеся казаки и украинцы сдвинули столы и образовали «круглый стол». Начались тосты-пожелания. Пропели казачьи гимны. Затянули песни. Казачьи песни сменялись украинскими и наоборот.

В 5 часов 30 минут Атаман стал прощаться, так как нужно было уезжать с автобусом в Мец, а оттуда в Париж. Жаль было казакам расставаться с Атаманом, но удержать его было невозможно.

В сопровождении членов хутора Т. М. Старикова, Атаман отправился в Мец под дружные прощальные крики — ура! остающихся. На станцию Мец прибыли в 6 ч. 20 мин. До отхода поезда оставалось еще полчаса. Последние разговоры и пожелания...

Взяли перонные билеты и все вышли к поезду. На первом пути — экспрес на Париж. Заняв место, Атаман вышел к стоящим на перроне казакам и казачкам, подал всем руку и, так как поезд должен был уже трогаться, вошел в вагон. Медленно тронулся поезд. Замахали платками, фуражками. Проплыло окно. Скрылся из виду Атаман. Невольно опустились руки с фуражками, но долго еще стояли казаки с непокрытыми головами, глядя вслед удалявшимся огням поезда. Но, скрылись и они. Что-то оборвалось, унеслось вслед.

Молча вышли казаки со станции. Моросил дождь. Кругом горели огни ресторанов, слышалась музыка, но никто не обращал на них внимания. Подошли к углу и стали ожидать автобус в Ромба. Приехав в Ромба, зашли в ресторан, взяли по кружке пива, но разговор не клеился. Как-то торопливо выпили пиво, распрощались и молча разошлись. Каждый старался скорее остаться наедине с самим собою.

А на другой день разговорам не было конца. Встречаясь на улицах, или на заводе, каждый наперебой старался высказать свои впечатления. До мельчайшей подробности вспоминали пережитые два дня. Каждый высказывал предположения о будущем...

Вольно-казачий хутор имени генерала Т. М. Старикова пережил радостные минуты. Поднялся дух казачий, окрепла вера в правоту идеи, загорелась надежда на лучшее будущее. Окреп хутор — идейно.

Слава Казачеству!

Слава походному Атаману В. К.!

Слава всем вольным казакам!

(Соб. кор.)

БРАТЬЯ КАЗАКИ!

Наша борьба — трудная и ответственная. Враг — серьезный. А для того, чтобы мы представляли силу и мощь, нам необходимо единение всех казачьих сил. Только об'единенное Казачество, согласованное одним стремлением, достигнет своей цели. А наша цель ясна и определенна: создание независимого казачьего государства **Казакии** и мы, верные сыны ее, — полноправные хозяева Казачьей Земли.

Время ответственное и каждый наш шаг должен быть верным и твердым. Настоящее налагает на нас чрезвычайную ответственность за то ужасное положение, какое создалось сейчас в наших Родных Краях красными московскими оккупантами.

Всему тамошнему царству произвола и насилия мы должны противопоставить единую казачью силу, помня, что если не будет согласия среди нас, то это будет удар по всему Казачеству и помощь нашему врагу.

Знаем ли мы это? Да, мы должны это знать. Должны знать и делать так, чтобы от дел наших помощь была Казачеству, а удар — по врагу.

Братья казаки! в своих вольно казачьих организациях мы должны искать моральную и иную поддержку и каждый казак ни на минуту не должен забывать любви к Родному Краю. Общаясь казак с казаком, мы должны сохранять уклад нашей жизни и свято хранить седую казачью старину.

На этот путь мы должны стать все, образовав единое национальное русло, которое неудержимым потоком течет к одной заветной цели — Казакии. Всякий иной путь — ложный, бесполезный и даже вредный для Казачества.

Мы уже были в недавнем прошлом на таком ложном, чужом московском пути, а результаты? — Мы в изгнании, а наши братья в московской неволе.

И сейчас вот новоявленный атаман граф Граббе, единонеделимческого направления, зовет казаков к об'единению, т. е. на тот московский путь, где уже тысячи казачьих голов легло... Тот путь — ложный и чужой, не наш, не казачий. Как видим — как раньше, так и сейчас единонеделимческая головка делает последнюю ставку на казачьи головы — она хочет получить их для достижения своих целей. Но мы им твердо скажем: ваша песня спета. Казачество вышло из посолы обмана и лжи на свой вольноказачий путь и в будущем казаки будут защищать только свою честь и независимость казачьего государства — Казакии.

Братья казаки, мы должны слиться в одно целое для того, чтобы, когда придет время, мы оказались сильными и подготовленными к борьбе с нашим врагом. А час развязки близко, как говорится, — пахнет порохом...

Так спешите же создать единую казачью национальную силу — в ней залог будущего нашего благополучия... Во имя нашей заветной цели мы должны принести в жертву даже свою жизнь.

Вспомним слова казачьего гимна, где говорится: Славься Дон и в наши годы в память вечной старины — в час невзгоды честь свободы отстоят твои сыны.

Слава нашему Походному Атаману! Слава Вольному Казачеству! Слава нашей Казакии!

ВВД ст. Андреевской **Иван Д. Попов.** (Франция)

В. К. в Югославии

В ЛЮБЛЯНЕ

В сочельник Р. Х. в Любляне был устроен в. казаками литературный вечер, на котором, после вступительного слова атамана хутора **А. В. Ермакова,** был прочитан **Н. И. Игнатовым** ряд речей и статей, как из журнала «В. К.», так и из других казачьих литературных изданий. Затем **Д. В. Родионов** сказал о значении литературы в нашем деле и прочел несколько стихотворений **Ю. Гончарова, Б. Кундрюцкова, П. Полякова** и **Скубани.**

На первый день Р. Х. снова собрались казаки, чтобы провести этот день «в кругу семьи своей родной». Из речей, произнесенных в этот раз, особенный интерес и сочувствие вызвала бесхитростная, но патриотическая речь ст. **А. И. Болдырева.**

(Соб. кор.)

ПЕТРОВГРАД (Югославия)

Первый раз за много лет, трудами и заботами вольных казаков и членов здешней украинской громады была устроена елка для казачьих детей. Зал был красиво декорирован. На стенах висели портреты казачьих героев — **Разина, Булавина, Рябовола, Кулабухова** и др., а так же были развешены национальные флаги — Казакии, Украины, Донской и Кубанский. В центре этой декорации находился портрет Его Величества, Короля Югославии **Петра II.** Под ним — Югославянский флаг. Правее — портрет Походного Атамана ВК инж. **И. А. Билого.** С левой стороны — Кубанский, с правой — Донской флаги, а над ними флаг Казакии.

Гости начали прибывать довольно рано, хотя и было назначено к четырем часам. Число гостей превысило ожидания. Зал был переполнен. Было много и местных жителей.

ВК ХУТОР В ЛЮБЛЯНЕ В СОЧЕЛНИК Р. Х.

Слева направо: сидят: г-жа Сапельникова, г-жа Хвалова, полк. А. В. Ермаков (атаман хут.), г-жи Сапожниксва, Болдырева, Коробова, Ткачева.

Стоят: Л. А. Ермаков, Н. И. Игнатов, Д. В. Родионоз, А. И. Болдырев, Г. Л. Сапожников, М. С. Коробов.

Стоят в третьем ряду: С. Е. Ткачев, П. И. Сапельников, Г. И. Малов, И. А. Карасев и г. Кетов (гость).

Вольные казаки и украинцы на детской елке в Петровграде 8 января с. г.

В 4 часа голова украинской громады **Н. Мельничук,** открывая праздник, произнес краткую речь, в которой высказал благодарность югославянскому народу, приютившему нас. Духовой оркестр, составленный из казаков и украинцев, сыграл югославянский гимн, потом украинский, донской и кубанский. Публика выслушала все гимны стоя. Когда смолкли последние звуки кубанского гимна, присутствующие заняли свои места.

Дети, по одиночке, продекламировали несколько стихотворений из номеров журнала «ВК». По окончании декламации, они начали играть вокруг елки. Взрослых развлекала музыка.

В шесть часов появился «Дед Мороз», который на санках привез подарки для детей. Появление Деда Мороза привело в восторг детей. На его вопрос: Как вы думаете, детки, раздавать вам сейчас подарки или оставить до следующего года? — Все дружно ответили: Сейчас, сейчас!

После раздачи подарков началось общее веселье, продлившееся до 2-х часов утра. Было спето много казачьих песен. За чашкой вина завязались разговоры и воспоминания о былой казачьей славе. Были разговоры и о положении казачьей эмиграции.

Но мысль одна у всех была:
Скорей, скорее в Край Родной
В простор полей, степей родимых —
В отчизну вольных казаков.
Изгнать проклятых супостатов
И водворить в стране родной
Присуд казачьей старины...

О нашей сплоченности и солидарности говорить здесь нечего, т. к. прилагаемая фотография свидетельствует о том сама.

Сила казачья еще не изсякла и порох в пороховницах еще есть.

Слава Казачеству!

Захар Кобазев

В КРАЛЬЕВО

Уже более двух лет в гор. Кральево существует в. к. станица, а также и станица «русских казаков». Много было всяких разговоров. В этом году пошли разговоры: почему мы не вместе, а поделились на партии и укоряем друг друга? Почему нам, всем казакам, не собраться и не поговорить по-казачьи?

12 января с. г. атаманом в. к. станицы было об'явлено об общем сборе казаков всех направлений — «русских казаков», «лигитимистов» и вольных казаков.

В назначенный день, в указанные часы и в назначенное место стали собираться казаки. Собралось не так много, т. к. некоторые об этом сборе не знали. Собралось около 20 казаков других направлений, кроме вольных казаков. Всех вместе собралось более тридцати человек.

Когда казаки собрались, атаман в. к. станицы сказал: Между нами получилась вражда. Одни говорят, что Билому верьте, а другие — Науменко. Так вот, сегодня мы и собрались поговорить по-казачьи и разрешить этот спор вместе.

Дальше атаман предложил избрать председателя собрания, каковым и был единогласно избран «русский казак» **Лебедев,** а ему в помощники вольный казак **Абрамцов.**

Националист Абрамцов сказал, что нам надо об'единиться в одну станицу, т. к. только тогда мы будем составлять силу.

Слово попросил «русский казак» **Чувычело,** который говорит: Как мы можем об'единиться, если вы за Билого, а мы за Науменка. Как можно Науменко оставить, если он нас вывез с Лемноса в Сербию и дал кусок хлеба. Он нас кормит... А когда наелись его хлеба, то он стал нам не нужен?..

Тут послышались голоса «русских казаков»: Тебя вывез Науменко, а меня Врангель, а кого Барбович. А другие говорят: А нас оставили на Лемносе и кто ж нас вывез? И еще говорят: почему Науменко не вывез тех 63 тысяч казаков, что остались на Черноморском побережьи? А почему Науменко не взял с собой тех казаков, что остались въ Крыму? Науменко сам спешил уехать, а казаков бросил...

Встал один вольный казак и говорит, что Науменко выбрали не только вывести за границу, а и привести на родину. Что же он нам дал за 15 лет? Что он кому сказал о казачьей родине? Или он устроил кого либо из казаков на работу? Собирал ли когда либо нас, говорил ли о чем? Когда не спросишь у него, что нового? — всегда один и тот же ответ: Да вы знаете, что пишут в газетах. Да, каждый казак знает, что пишут в газетах, он их читает, но хотят и от Науменко узнать, что он думает, хотят от него новое и... всегда на этом расходятся.

Так казак Чувычело остался никем не поддержанный, остался за Науменко виноватым...

Все присутствующие согласились организовать одну станицу. Мы, вольные казаки, не огорчали других острыми вопросами, давали им возможность свободно высказаться, чтобы не огорчать их Билым.

Организацию самой станицы отложили до следующего собрания.

Ст. **Кривец** предложил так: давайте этот вопрос, вопрос об об'единении, оставим, а приступим к вопросу о встрече Нового Года всем вместе, одной семьей.

Почти все согласились с этим, но некоторые сомневались тем, что слабо зарабатывают. Но тут другие сказали, что кто имеет больше, тот больше и заплатит. Так был решен вопрос о встрече Нового Года всем вместе. Решили уведомить всех казаков, кто бы они по убеждениями не были.

Встреча Нового Года

Начали собираться почти в 9 часов вечера. Вместе с казаками пришел и атаман вольноказачьей станицы. Все заняли места за большим столом и начались разговоры. Тем временем прибывали казаки с казачками и кафэ наполнилось казаками всех направлений. Когда все уселись — выпили по чашке вина и продолжали вести разговоры, говорили друг другу о том, что наболело на душе. До Нового Года, т. е. до 12 часов было еще далеко. Высказывали сожаления, что наш гармонист вольн. казак Мих. Черепков по роду своей работы не может придти раньше, но он вдруг неожиданно пришел. Сразу стало веселей. Стали говорить о песне, подсели ближе к гармонисту и ударили одну за другой казачью песню так, что она разнеслась по всему кафэ. Дружно поддерживала пение альтом одна из дам казачек и эта песня еще больше брала за душу. После паузы заиграл гармонист польку, т. к. нашим дамам уже не сиделось.

Так прошло время до 12 часов ночи. По сербскому обычаю, в 12 часов ночи тушится свет и Новый Год приходит в темноте. Когда зажгли электричество, мы друг друга поздравили с Новым Годом и пропели казачий гимн.

Один из казаков, обратившись к присутствующим, сказал: братья казаки, вот пришел этот Новый Год, но я желал бы и вам пожелаю, чтобы было поменьше таких новых годов, которые мы встречаем не на родных степях, не в родных станицах, а тут на чужбине. Пожелаем поэтому нашему Походному Атаману И. А. Билому, чтобы он поскорее вывел нас в поход на наши дедовские степи. А если бы привел бы Бог и умереть там в боях за отчизну, то все же не даром, а с надеждой на освобождение своего народа. Дай Бог поэтому сил и здоровья нашему Походному Атаману И. А. Билому.

Потом один из трех донцов сказал: Пожелали мы здравия своему Походному Атаману, теперь пожелаем здравия своим окружным, станичным, хуторским и куренным атаманам, которые душой входят в жизнь своих братьев казаков, честно служат идее ВК и, по возможности, принимают меры к облегчению положения тех, кто находится в нужде.

Неожиданно на середину кафэ вышла маленькая казачка с голубыми глазами, **Шура Абрамцова,** и сказала: Мне исполнилось 12 лет. Я родилась в чужом краю, но народ мой — казачий народ. Потом вдохновенно продекламировала такое стихотворение:

И Кубань — мать моя вековая.
Не была я в родном краю,
Не видала станицы родимой,
Но люблю я отчизну мою,
Бесконечную степь голубую.
Знаю так же, что деды мои
Кочевали из Дикого Поля,
Где вели вековые бои
И где кровью добыта их воля.
Этой волей я не жила
И не знаю ее достояний,
Но из маминых слез поняла,
Что без воли на годы терзаний
Обречен мой родимый народ...
. . . . . .

(Шура Абрамцова поздравляет своих сестер и братьев, томящихся по родине, с Новым Годом, с новым счастьем и в память всем посылает свою фотографию).

Декламировавшую маленькую казачку присутствующие наградили дружными аплодисментами

Так встретили Новый Год те, кто пожелал вместе разделить казачью дружбу.

Шура Абрамцова

Во время встречи Нового Года еще раз решили оповестить всех казаков, что 19 января состоится продолжение собрания по об'единению всех казаков в одну станицу.

Настал день 19 января. В указанный час, в назначенное место стали собираться казаки. Пришли «легитимисты», пришли вольные казаки, а «науменковцев» нет. Пришел один наш вольный казак и об'яснил, что ему «русский казак» сказал, что Науменко не разрешает им собираться на сбор. Все же пришли некоторые и «науменковцы». Пришел еще наш один вольный казак и об'яснил все подробно. Об этом казачьем собрании узнал атаман станицы «русских казаков» полковник Маслов и обратился к Науменко за разрешением, чтобы можно было собраться на один сбор, совместно с вольными казаками. Науменко не разрешил такого об'единения, ибо, наверное, знал, что если другие казаки будут собираться с вольными, то последние раз'яснят им деятельность Науменко и тогда совсем у него никого не останется.

Так Науменко не разрешил своим «русским казакам» идти на собранке, где казаки хотели поговорить все вместе и обсудить казачьи ошибки. Пришли те, кто не знал или не слыхал приказа Науменко. Пришло их очень мало и говорить об об'единении не приходилось. Прочитали Трагедию Казачества из двух очередных номеров журнала. Когда прочитанное выслушали «русские казаки», сразу же и заговорили о том, что они и не знали, что Науменко делал на Кубани и какие идеи там проводил. Теперь, говорят, и мы будем брать и читать ваш журнал. Казакам стало понятно, почему Науменко против «ВК», потому что, тут казачья правда.

На этом и закончился сбор для об'единения всех казаков.

Дорогие станичники, поверьте нам, казакам, проживающим в гор. Кральево, и посмотрите на строчки, здесь написанные, как казаки хотели по-казачьи говорить. Кто нас раз'единил? Кто слепых и малодушных заманивает на чужую дорогу, кто помогает русским мужикам, нашим врагам?

Еще об одной деятельности Науменко нельзя умолчать. Хочется оповестить казаков, чтобы все знали.

Два года или больше как Науменко в гор. Кральево организовал русский сокол и добился в нем должности старосты. Заманивал и казаков, чтобы они записывались в русский сокол, говорил, что это организация беспартийная. Казаки неохотно туда записывались, ибо каждый знал, что он сокол с семи лет, когда начал ходить в школу уже он проделывал гимнастику и летал на всех препятствиях, как сокол. Но отказать в просьбе ген. Науменко как то не все решались и записывались. Записавшийся в эту организацию принимал присягу русского сокола.

Когда в Кральево организовалась вольно-казачья станица, то в нее вошли и казаки, состоявшие в рус-

ском соколе. Науменко начал говорить, что кто вольный казак, тот нарушил присягу русского сокола, т. к. считает себя не русским. Было выработано новое правило, что вольные казаки не имеют права состоять в русском соколе. Одному из таких казаков было предложено подать заявление о выходе из русского сокола, ибо этот казак стоял во главе в. к. организации. Без всякого колебания подал он заявление, что больше не желает состоять членом русского сокола. Через некоторое время принесли ему уведомление, что он исключен из состава русского сокола. Молча сдал значек и легитимацию. Другой казак задержался в подаче заявления, но ему принесли предписание, что вольные казаки не имеют права оставаться в организации русского сокола, или должны уйти из в. к. организации и, в последнем случае, должен подать новое заявление в русский сокол.

До чего же доцарствовался Науменко, пробыв два года старостой русского сокола? Начались разговоры, не совсем приятные по его адресу. При перевыборах его заменили другим лицом, а при поверке ведения дел обвинили его в неаккуратности, пошли разговоры о разных вещах. Дошло между Науменко и русским соколом до того, что Науменко оттуда вышибли самым натуральным образом. Науменко даже не пошел сам сдать легитимацию и значек, а послал это через одного русского казака.

Так вот, братцы казаки, Науменко старался выгонять казаков из русского сокола, а теперь его выгнали русские мужики, чтобы он между ними не говорил, что он казак.

На святках русский сокол и «русские казаки» устраивали елку для детей, но Науменко не пригласили ни одни, ни другие. Остался Науменко «без труда и забот». С одной стороны русский сокол, а с другой — вольные казаки.

Братья казаки, прочтите и другим передайте, раз'ясните им, русским казакам, расскажите, какую идею провел Науменко здесь, заграницей, и что дал он казакам. Здесь много всяких разговоров идет о нем со стороны русских мужиков, да и со стороны казаков. Все обвиняют его здесь в разных делах.

Слава всему Казачеству!

Сообщил: казак **Е. Кривец**

...«РЕШИЛИ РАЗРЕШИТЬ»...

(«Диспут» в Новом Саду)

12 января с. г. во главе с русским профессором Георгиевским в Новый Сад приехало несколько членов «Национального союза нового поколения» (НСНП), в числе которых было и трое казаков, как они себя называют: Колков, Денисенко и Зикрач. Цель приезда — сделать публичный доклад на тему: «Казачество на родине и в эмиграции».

С докладами выступали упомянутые три молодых человека, которые, судя по их летам, по их «обличью» и прочему внешнему виду, а также и по содержанию самих докладов, — Казачества совершенно не знают, с ним они познакомились через учебники каленных русских историков и через современные источники, где казаки рисуются «лучшими русскими людьми, умевшими служить России».

Первым читал «доклад» сам председатель — г. Зикрач. Его речь отличалась непоследовательностью, причину чего следует искать, очевидно, в поверхностности схваченных им и не усвоенных хорошо или не продуманных сведениях из истории; кроме того, речь его была украшена недопустимыми для докладчика словами, как: «сволочь», «подлецы», «мерзавцы» и т. п.

Следующим говорил Денисенко, который свою речь, являвшуюся отчасти повторением утверждений первого докладчика, иллюстрировал плачевными фактами хозяйничанья русских в Казачьих Землях.

Третьим говорил Колков, также сказавший как и первые два, что «Казаки разделились на несколько партий», что «у нас общий враг, с которым надо бороться, но бороться, об'единившись с русской эмиграцией, одинаково дышащей злобой и ненавистью к большевикам». После всех выступлений, занявших около часу времени, председатель собрания об'явил десятиминутный перерыв, — «за время которого желающие задать какие-либо вопросы по существу доклада, пусть благоволят подать таковые письменно».

— Г. председатель, может быть будет удобнее желающим что-либо сказать по существу доклада дать возможность говорить лично, лицом к публике? — обратился с вопросом присутствовавший здесь **Н. Ф. Букин.**

— Нет, у нас так не делается, этого нельзя, — ответил председатель.

— В таком случае разрешите записать всего лишь свою фамилию на очередь. И Н. Ф. Букин подошел к столу и записал свою фамилию, думая, что будет еще кто-либо говорить.

Во время перерыва заметна была нервная подготовка к принятию, повидимому, неизбежных оппонентов. Засуетились «братья», забегали по залу, готовя «на всякий случай» надежный «кадр», расположившийся вдоль стен. Его составляла преимущественно русская молодежь — частью приехавшая из Белграда, частью из Н. Сада.

Записок было подано две. Первая: «Помогай вам Бог», а вторая: «У нас, казаков-монархистов, с вами расхождений быть не может».

Прочитав громогласно записки, председатель растеряно посмотрел в сторону г. Георгиевскаго, ожидая, повидимому, разрешения об'явить фамилию оппонента. После некоторой заминки, председатель нерешительно об'являет фамилию на очереди стоящего Букина и добавляет: «Слово ограничивается временем в три минуты».

— Просим не ограничивать, — зашумели голоса.

— Меня такое ограничение не удовлетворяет, — говорит г. Букин.

— Что поделаешь, у нас больше нельзя, — продолжает стоять на своем председатель.

— Просим неограничивать. Что за безобразие! — более решительно стали раздаваться протесты.

Со стороны г. Георгиевского послышалось: «Дайте пять минут», и председатель заявляет: «Ну, хорошо. Пять минут».

После разрешено было говорить десять минут, причем кто-то сказал: «Следите по часам».

Услышав это приказание, публика еще больше возмутилась и стала категорически требовать забыть об ограничении. Протестовали самым искренним образом даже некоторые из русских.

Против обыкновения председатель нисколько не старался призвать своих «помощников» к порядку и таковой был водворен тем, что сам Н. Ф. Букин поднялся со стула и, повернувшись лицом к публике, обратился к ней: «Почтенная аудитория! Мне совершенно не понятны такие ограничения, тем более, что мы располагаем помещением еще достаточно времени. Кроме того, такие собрания, где имеются люди с различными политическими взглядами, но с общим злом, которое они как будто хотят рано или поздно уничтожить, явление редкое и потому послушать друг друга не будет лишним.

«Ваше настроение, как находящихся на, так называемой, «казачьей беседе», лишний раз указывает на то, что Казачий Вопрос действительно самостоятельно существует, что он жизненен и многогранен, что с ним, как с таковым, еще не все знакомы в достаточной степени, а познакомиться хотят. Не раз приходилось слышать, что «вопросы русский и казачий органически связаны один с другим». Само это выражение уже говорит о том, что таковые вопросы являются все же самостоятельными, однако, изучить их — эту «органическую» связь — не каждый хочет и могу ручаться, что большинство из не желающих не могут дать удовлетворительный ответ на вопрос: почему не хотят изучить?

«Повидимому, причиною этого нежелания являются побуждения определенного характера и их бы

надо было устранить, — тем более, что, как пришлось сегодня здесь слышать, у нас — у казаков и русских — общий враг, обе стороны думают об освобождении от ига большевиков, мечтают о будущей свободной жизни... Но, мечтать мало. Надо готовить к этому здоровую почву, а подготовка ее заключается также и в подробном, всестороннем и беспристрастном изучении нашего прошлого и в умении сочетать его с течением настоящего времени, — с неудержимо ростущим стремлением народов к возврату истинной Свободы, в атмосфере которой бы они могли свободно духовно развиваться, не утрачивая своих национальных и культурно-бытовых признаков. За долгие, полные испытаний годы эмигрантской жизни, эмиграция не потрудилась изучить своего прошлого, она не коснулась правдивой истории народов, входивших в состав бывшей составной империи. Между тем, знать ее крайне необходимо во избежание зла в будущем...»

На этом месте, несмотря на то, что публика с интересом насторожилась слушать, председатель прерывает речь замечанием: «Мы об истории вообще не говорим». Его фразу подхватили герои «кадра» и начали кричать: «Не надо истории, ее никто здесь не хочет касаться»... Нашелся даже такой, который проронил глубокомысленное возражение: «Не давать ему говорить: он говорит не то, что нам надо»...

Приехавший на выручку молодым «кораторам» проф. Георгиевский поспешил доложить аудитории, что «в старой России Казачество считалось самой культурной бытовой группой»... и потому... «НСНП на своем 3-ем с'езде решил в будущем Казачеству дать право вполне самостоятельно разрешать свой вопрос».

В публике поднялось вновь недовольство и, главным образом, на г. Георгиевского: «Тем более, не мешайте нам говорить о нашем вопросе и сейчас»... «А ты чего вылезъ? Кто тебя сюда просил?» «Москали, не вмешивайтесь не в свои дела, если пришли сюда!...»

— Тут говорится не по существу, — заявляет председатель, желая как-бы оправдать поведение «кадра».

— Ваше собрание названо самими вами, — обращаясь к председателю, заметил Н. Ф. Букин, — «Казачьей беседой» и потому, что бы сегодня о Казачестве здесь не говорилсь, все будет по существу, — это раз, а, во-вторых, если вы устраиваете «казачьи беседы», то, как председатель, успокойте ваших друзей и не мешайте беседовать. По существу ваших докладов, состоящих только из набора фраз, сказать нечего: слишком они бледны, но... если вы так против главной сути — против казачьей беседы, то разрешите вам, г. председатель задать несколько вопросов «по существу», напр., лично вашего доклада.

Вы сказали: «Казачество в зарубежьи еще не сказало своего последнего слова и оно его скажет в борьбе за Волю Казачью...» Я с вами согласен, но по столько по сколько мы с вами различных взглядов на вещи, разрешите вас спросить: как вы понимаете казачью Волю?

Услышав такой «каверзный» вопрос, г. председатель, сказать по истине, растерялся от неожиданности и даже не нашелся, что сказать сразу. Сидя на своем стуле он попеременно смотрел то на задавшего ему вопрос г. Букина, то на своего «защитника» и покровителя» проф. Георгиевского. Наконец, деваться некуда, публика ждет, надо хоть какой нибудь ответ дать. И председатель, с видом растерявшегося школьника, заговорил: «Казачья Воля... Казачья Воля... Я понимаю Казачью Волю... ну, вот, казаки живут в своих станицах, хуторах... как... ну, когда-то как они жили, свободно... Господа, мы нарочно здесь не касаемся истории, чтобы не растравлять слушателей. Оно, конечно, не безизвестно, ограничения были, нас притесняли, нерсправедливо... но, ведь это прошло»...

— Прекрасно говорит г. Букин, ваш ответ лично меня не совсем удовлетворяет. Не будем касаться, г. председатель, того, что, как вы сказали, «казачество из сословия военного перестроилось в сословие трудовое». Об этом мы будем говорить более обширно на специальном докладе. Дальше: вы сказали, что «в будущем Казачество сразу займет свое почетное место». Чем вы гарантируете ваше обещание и что это такое за «почетное место?..»

— Господа! Это уже придирка!.. Мы никому ничего не обещаем.

— Нет, извините, это далеко не придирка: вы положительно утверждаете это. В таком случае, зачем вы говорите то, за что вы ответственности на себя взять не можете?

Председатель, наконец, формально не зная, куда себя девать, решился задать вопрос: «Зачем вы касаетесь того, о чем говорить мы находим лишним? Что это — желание сорвать собрание?»

— Почему же вы об этом не хотите говорить? Ведь это же, как раз, по существу вашего доклада. А что касается того, кто срывает собрание, то обратив внимание на ваше поведение, сказать не трудно, кто его срывает. У меня такого желания нет. У меня есть одно искреннее желание: говорить на «казачьей беседе» свободно и в условиях, более культурных, чем создали вы. Если вы собираете казаков и, к тому же, приглашаете сюда и гостей, то дайте возможность, во-первых, чувствовать им себя как на собрании серьезных людей, а, во-вторых, для того, чтобы с казаками говорить о Национальном вопросе, независимо от того, в каком вы его масштабе рисуете, — потрудитесь хоть немного изучить Казачество. Красивых слов мало!...» (Гром аплодисментов).

— Да что с ними, жиденькими, разговаривать, — послышалось из публики. Станичники, собираемся все гуртом. Пускай они тут сами с собой поговорят. Станичник Букин, пойдемте, мы себе сами потолкуем.

Казаки самостийники, а за ними и другие, всего свыше сорока человек, поднялись, чтобы уходить, но тут особенно на себя обратил внимание г. Георгиевский. Стремительно соскочивши с места, он подбежал к председателю, оттолкнул его в сторону и крикнул: «Смирно! Я председатель! Приказываю сесть на места!»

— По какому такому праву вы председатель, — кто-то задал вопрос. — Вы не казак!...

— По праву старшего, начальника! — неистово кричал г. Г-ский. — Поймите, г.г., что мы, русские люди, страдаем за вас, казаков, что вы поделились на самостийников, атаманцев, «безатаманцев» и пр. Мы мучимся, нам больно вас видеть такими, мы хотим вместе с вами...

— С каких это пор вы стали болеть за нас душой и сердцем? — возразил один из казаков, сидевших в первом ряду. — Вы о нас не беспокойтесь: мы всегда сговоримся. Проследите лучше за собой, да об'единитесь сами, а то последние известия дюже не важные.

— Самое лучшее, господа, — обратился Букин к «передатчику», заволновавшемуся при том, как только заговорили о «последних известиях». — вы в наши казачьи дела не вмешивайтесь уж в силу самого вашго решения на 3-ем вашем с'езде. Лучше будет, если вы где-либо еще обнаружите группу «товарищей» среди русской эмиграции, а о казачьем вопросе вы не беспокойтесь и ничего не решайте: решать его будем мы сами».

— Правильно, станичник! — закричали казаки.

— Пойдемте, братцы, довольно! И с этими словами чуть не половина публики вышла.

Когда казаки выходили, то г. Г-ский уже не приказывал сесть, а просил остаться тех, кто интересуется их собранием. Человек около 40-50 ушло (всего было человек сто-сто десять, из которых добрая половина были русские).

Ушедшим самостийникам и тем, кто вышел за ними, проф. Г-ский послал «проклятие».

В дальнейшей беседе один из казаков-монархистов вцепился с Георгиевским за казачий вопрос и в результате «монархист» с возмущением оставил собрание, уведя с собой еще несколько своих «единомышленников».

Нашлись и русские, которые, не выдержав тактики г.г. устроителей собрания, оставили последнее.

Насколько известно, не так давно еще в программе НСНП о казачестве вообще, не говорилось, равно как не говорилось и о др. народах, входивших в состав б. России. Теперь и они заговорили особо о Казачестве, даже г. Георгиевский, белградский возглавитель Союза, «разрешает» казакам в будущем самим свой вопрос решать.

Мы, казаки-националисты, должны рассматривать всякие подобные собрания не иначе как собрания в целях подорвать наше движение и, кроме того, должны крепко помнить, что наш национальный вопрос мы должны решать сами и спрашивать на то у кого-бы то ни было разрешения не будем никогда. Поведение же г.г. Георгиевских нам явно показывает, что никакая русская политическая партия без неприязни не может относиться к казачьему государственному вопросу.

(Соб. кор.)

В. К. в Болгарии

В ЛОМЕ

Ломская обще вольно-казачья станица 14 января с. г. произвела перевыборы станичного правления на 1936 год.

При закрытой баллатировке избранными оказались: атаманом — Ефим Степанович **Замятин**, помощником — Александр Степанович **Шляхтин**, писарем — Николай Михайлович **Егоров** и казначеем — Георгий Тихонович **Бровков**.

В ревизионную комиссию: **Ф. Забазнов, В. Юров** и **В. Гудков.**

Станичный атаман **Замятин**
Писарь **Н. Егоров**

---

† Г. Е. РЕЗНИКОВ

14 января с. г. в г. Ломе умер казак — подхорунжий Кубанского Войска, станицы Казанской, Григорий Егорович **Резников**, род. в 1877 году.

Еще одною казачьею могилою украсилось ломское православное кладбище.

Покойный Григорий Егорович перенес все прелести эмигрантской жизни... Но последние несколько лет жил довольно сносно.

Г. Е. Резников был ярым поборником ВК. И наш казачий долг обязывает нас с чистой совестью преклониться перед прахом покойного нашего честного соратника и брата и отдать ему свою последнюю любовь на далекой чужбине. Он всегда был с нами и особенно любил «Ты, Кубань, ты наша родина». Не забудем и мы, что при жизни человека, как бы она не была плоха, вся природа ему улыбается, а когда его опустили в сырую землю, то ему и солнце не улыбнется уже никогда.

Пусть будет тебе, дорогой друг, пухом братская земля.

На погребении присутствовали все казаки г. Ломa, украинская громада во главе со своим председателем и масса жителей г. Лома. Тело покойного от его дома до церкви и вечного его упокоения несли на руках.

Один болгарин, Д. Князевский, произнес над могилой прочувственное и содержательное слово, приурочив год рождения покойного к началу освобождения Болгарии.

У покойного во Франции, кажется, имеется сын.

Н. Егоров

В. К. в Польше

В ЛУЦКЕ

Перед праздником Рождества Христова была получена инж. Штовханем копия утвержденного статута ВК организации в Польше. 7 января об этом было об'явлено казакам. Казаки собрались на следующий день порадоваться общему делу. По окончании богослужения в церкви Покрова Пресв. Богородицы, которая, как храм казачьей покровительницы, всегда посещается казаками, где они изливают свое горе и свою радость и молятся о родине, станичник Василий **Васильев** (ВВД) с супругой пригласили всех казаков и казачек к себе на квартиру, где в тесной в. к. семье побеседовали о ходе дел нашей станицы, поблагодарили ст. Васильева, который уже не раз оказывал помощь нашему общему делу.

Так как был праздник, а тут получили статут, то и решили мы отпраздновать это событие.

Первый тост был поднят инж. **Штовханем,** который сказал несколько слов о ВК и его возглавителе — Походном Атамане И. А. Билом. Закончил он свое слово казачьим приветствием — Слава Казачеству!

Дружным «Слава!» ответили казаки.

Вторым говорил сотник **Рябцев,** который коснулся прошлого Казачества, исторических заслуг казачьих Войск, которые столетиями приносили ценные лавры к подножью отечественного алтаря. Ныне, говорит он дальше, мы чтим наших дорогих патриотов казачьих, замученных русскими (как белыми, так и красными). Почтим их память минутным молчанием.

После минуты молчания он добавляет: теперь пью за вольную Казакию, к которой мы должны идти сомкнутыми рядами, чтобы поразить угнетателей нашего благословенного Края.

Хорунжий **Диктаров** в своем слове коснулся того тяжелого положения, в котором находятся наши братья там, в неволе, и протягивают сюда свои руки, прося о помощи...

Громкие пожелания здоровья нашим братьям там — наполнили комнату.

Долго еще казаки вели беседы между собой, отыскивая причины своего скитания на чужбине.

И вот, дорогие станичники, вольные и еще несочувствующие сему казаки, к какому заключению все мы приходим. Многие годы нашего странствования вдали от нашей, каждым любимой родины, здравый смысл нас невольно наводит на тот факт, благодаря которому мы попали в изгнание. Здесь каждый из нас должен дать твердый и положительный ответ.

Когда русские генералы, спасаясь от своего народа, нашли убежище у нас, они почувствовали потом у нас себя хозяевами и, обманом и хитростью, заставили даже подчиниться себе наших атаманов. Заставили казаков отстаивать интересы русских помещиков, которые для нас являются совершенно чуждым элементом. Ген. Деникин, проиграв войну, пролив море казачьей крови, погубив тысячи казачьих жизней, сам поселился в Европе и начал раскрывать теперь свои карты, которыми вел игру с Казачеством, ведя его к гибели. Теперь эта игра известна всем казакам. Всем русским генералам мы заявляем:

Мы, казаки, чтим наши традиции, унаследованные от наших предков, память которых не посрамим. Облекаемся в панцырь Вольного Казачества и будем твердо уповать, что своего достигнем. Дерзайте, братья казаки, близок час, когда судьба приподнесет нам случай осуществить нашу идею. К этому мы должны быть готовы:

Вольным казакам в Польше

Впредь до созыва первого Окружного Съезда Рольно-казачьих организаций в Польше НАЗНАЧАЮ атамана Луцкой ВК станицы инж. Ф. М. ШТОВХАНЯ вр. и д. Окружного Атамана в Польше.

Походный Атаман ВК инж. И. БИЛЫЙ

Imp. « Coopérative Etoile », 18 et 20, rue du Faub. du Temple, Paris (XIe). La Gérante: A. Laizé.

И бронью правды облекемся,
В вольно-казачьи ряды сомкнемся
И смело скажем: наш девиз —
В освобождении отчизн.
....

После тостов и разговоров, воспоминаний о прежней вольной жизни и размышлений о теперешней жизни заграницей, казаки спели Донской гимн, а потом и Кубанский.

Полилась казачья песня — веселая и грустная. Песня сменяется игрой гармониста, казаки танцуют «казачка». «Казачек» сменяется лезгинкой, которую исполняет кавказец, голова которого преждевременно поседела от пережитого...

Ночь уже вступила в свои права, а расходиться не хотелось. Голос «вестника» напомнил, что расходиться надо... Пожимая крепко друг другу руки, казаки потянулись по домам.

Н. Алифанов

Думы и мысли

Встреча

КИРИЛОВЕЦ: Тю! Здорово!

ВОЛЬНЫЙ КАЗАК: Здравия желаю, дорогой!

К: Да где-ж ты пропадаешь, что тебя не видать? Как там ваши вольные? Что нового?

В: Да у нас ничего, все похорошему, а как у вас, у Кирилловцев?

К: Тьфу! Ты уж скорей — Кирилловец...

В: Да что ты сердишься, что-ж тут такого? Я должен бы на тебя сердиться, что ты казак, а не идешь с нами, казаками.

К: Ну, ничего! Конечно, не плохо было бы, да едва-ли будет чего?! Вы сами не замечаете, как губите вообще русских, а также и казаков.

В: Хорошо, скажи: как мы все это губим?

К: Ну да как?... Во-первых, может быть, что из-за ваших организаций и там, на родине, издеваются над нашими братьями...

В: А почему же только над нашими, а не над вашими?

К: Потому что — казаки.

В: А-а!.. Значит, ты делаешь разницу между казаками?! И думаешь, что и там их тоже узнают!

К: Конечно, узнают! А как же ты думаешь!

В: Так зачем же идешь за ними?

К: Да... все равно... И там, и там — нету толку.

В: Ну, ничего! Скажи-ка теперь, как мы можем погибнуть и погубить Россию?

К: Да как? Не знаешь, что-ли?

В: Нет, не понимаю, об'ясни!..

К: Так слушай: Польша и Германия заберут вас и скажут: идите вперед! А сзади поставят пулеметы. Вот тогда вы и будете знать, как освобождать Казакию.

В: Как же нас заберут? Насильно, что-ли?

К: Да зачем! Как ты не хочешь понять? Дадут вам хорошее жалованье — вы и пойдете.

В: Теперь я понимаю ваши умные рассуждения. А я вед до сих пор думал иначе: если я хочу идти за деньги воевать, то и теперь мог бы поступить, например, в абиссинскую армию. Но мне хочется освободить свою родину, хотя и без денег, ибо она дороже всего...

К: Ну, довольно. Скажи-ка лучше, как вы провели вашу казачью елку?

В: Да как... Собрались, попели казачьи песни, потанцовали и все это вышло по хорошему.

К: А на каком же языке говорили?

В: Ну, слушай, ты уж совсем чепуху несешь... Говорили, на каком кто умеет.

К: Знаешь, что? Довольно нам бить языки! А то уже поздно!

В: Ну, пока, до свиданья и не обижайся...

К: Да подожди! Что ты, в самом деле? Идем-ка сюда.

В: Куда?

К: Да вот напротив, что-ли... (Заходят, садятся).

В: Ну, что-же ты? Зазвал, так стучи!

К: Бай Иван, дай половачку! Давай-ка выпьем по стакану и будем здоровы! Слава Богу, что мы казаки!...

В: Так бы и давно. А теперь и от меня...

К: Что-ж, не плохо! Выпьем еще одну и пошли...

В: Теперь с Богом! Как были мы с тобою друзья, так и будем.

К: Слушай, давай-ка еще по одной...

В: Да нет! Лучше идем ко мне на квартиру да возьмем у соседки, по три лева кило, и будем... Там можно затянуть и какую нибудь казачью...

К: Тогда знаешь, что? К чорту хохлов... Я к вам запишусь сейчас же!

В: А потом и скажешь, что тебя записали по пьяному делу...

К: Так меня и туда пьяного записали.

В: Нет, давай допивать и расходиться, а то уже наверное поздно, часов десять, а завтра на работу.

К: Сколько?! Десять?! Да я когда за вином ходил, двенадцать ударило.

В: Ну тогда пошли! Мне еще нужно зайти в одно место, а там, смотри, еще по стакану...

К: Ну, я все равно ваш!.. Куда ж мне от казаков? Отделяться, что-ли? Когда Казакия будет, то все казаки будут там... Не пойдут же в Москву к мужикам служить!...

В: Тем лучше. С Богом! Слава Казачеству!

Записал: **Д. К. Садчиков** (Болгария).

Розыск:

А. Леников розыскивает: И. С. Орехова, С. В. Рудина, А. П. Попова, В. М. Гудкова, И. А. Рыкунова, А. И. Солдатова и И. И. Курмоярцева. Отозваться по адресу:

M-eur A. Lesnikoff, rue de la Bourgogne, Appt 165, pov. 5.

Tourcoing (Nord)). France.

Каждый вольный казак должен подписаться на свой журнал

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: M. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)

Imp. « Coopérative Etoile », 18 et 20, rue du Faub. du Temple (XIe).

La Gérante : A. Laizé.